

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ТВОРЕЦ ГОСУДАРЕЙ

В закоулках Мироздания - 8

16+

Александр Борисович Михайловский

Юлия Викторовна Маркова

Творец государей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37662826

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1070-0

Аннотация

Спасенный Федор Годунов публично перед московским людом отрекается от трона в пользу жениха своей сестры, восемнадцатилетнего князя Михаила Скопина-Шуйского, которого Серегин возводит на трон. Но этого оказалось недостаточно для того, чтобы открыть путь в девятнадцатый век, и Серегин получает задание по стабилизации мира умирающего императора Петра II. Никакой Анны Иоанновны и никакого Бирона. Россия после реформ эпохи Петра I должна получить возможность непрерывного поступательного развития без смут и катастроф. В оформлении обложки использована картина из серии «Московский Кремль 1800».

Содержание

Часть 29	4
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Часть 29

01 сентября 1605 год Р. Х., день восемьдесят седьмой, Вечер. Крым, крепость Перекоп

Серегин Сергей Сергеевич, Великий князь Артанский

Наверное, символично, что армия бывшего калги, а ныне хана Тохтамыша (пока не утвержденного в Стамбуле) подошла к Перекопу на рассвете первого сентября, то есть в день знаний. Символично потому, что, не вступая в переговоры, шестнадцатилетний хан с ходу бросил своих джигитов на штурм и сразу получил кровавый урок. Чугунные, палящие картечью пушки на стенах цитадели наносили штурмующим тяжелый урон, но это были еще цветочки. Самым опасным был винтовочно-пулеметный, минометный и артиллерийский огонь из самоходных гаубиц, который за считанные часы угрожал полностью истребить мужскую часть татарского народа.

Раз за разом спешенные татары бросались на штурм с дикими боевыми кличами, но всякий раз залпы пушек и карамультуков, которые маскировали ружейно-пулеметную стрельбу, а также взрывы снарядов и мин, заставляли разъяренные орды откатываться назад, чтобы через час или полтора повторить самоубийственную попытку. Неужели хан Газы Гирей, снаряжая в поход своего малолетнего отпрыска,

не дал ему в советники опытного седобородого старца, который сначала думает, а уже потом машет саблей? А может быть, дело было в том, что сам хан отличался неуправляемым и взрывным характером, и наставников сыновьям подбирал таких же, чтобы не думали, а учили рубить саблей наотмашь, а там как вывезет кривая и даст удачи Всевышний.

Сражение было в самом разгаре, и срочно вернувшись в Крым экстренным рейсом штурмоносца, я уже начинал бояться, что моя затея с отправкой крымских татар в мир доисторической ледниковой Америки накроется медным тазом, ибо при отсутствии взрослых дееспособных мужчин она просто лишается смысла. И тут мне доложили, что меня хочет видеть мать малолетнего хана-придурка – Гульнар-хатун. Ну, хочет и хочет; только хотелось надеяться, не для того, чтобы предложить мне свое руку и сердце?

– Я бы с радостью, – съязвила Гульнар-хатун, когда я в шутку задал ей этот вопрос, – ведь мой муж убит, и мальчишкам нужен новый отец. Но я же знаю, что у вас, гяуров, может быть только одна жена, и вы всемерно осуждаете тех, кто поддерживает отношения с несколькими женщинами сразу. Я пришла к тебе по другому поводу. Ты, князь из далекой страны, который лишил нас всего, даже родины – сейчас ты лишаешь нас даже наших мужчин, которые умирают в бессмысленной и безумной битве. Ибо я уже знаю, что скорее верблюд побежит по потолку будто муха, чем татарским джигитам удастся взобраться на стены Ор-Капу, которые за-

щищают подчиненные тебе порождения злобной демоницы Аль-Уззы¹.

– И чего же ты хочешь, женщина, – спросил я, – твой сын сам послал на смерть ваших мужчин, и гибнут они только по его вине. Даже не завязав переговоров, он бросил своих воинов на штурм, и мы были вынуждены убивать их с той скоростью, с какой они пытаются взобраться на стены этой неприступной твердыни. Если у тебя есть какая-нибудь светлая идея, то поторопись сообщить ее мне, потому что в скоро все кончится само собой, и некому уже будет штурмовать стены Ор-Капу.

– Такая светлая идея у меня есть, – гордо ответила женщина, – я сама выйду через ворота и вразумлю моего непутевого сына. Ведь ты же сам хотел сделать так с самого начала; почему ты отказался от этой мысли?

– Мне казалось, – ответил я, – что твой сын сначала вступит в переговоры, а уже потом примется размахивать саблей, а он, к моему величайшему огорчению, поступил ровно наоборот. Наверняка гонец наплел ему с три короба всякой всячины...

– Молодость горяча, – с горечью произнесла Гульнар-хатун, – а молодость сыновей Газы Гирея горяча вдвойне. Все они в полной мере унаследовали как его вспыльчивость и го-

---

¹ Аль-Узза (араб. اوزعلا – могущественная) – богиня планеты Венера. Встречается в домусульманской ономастике и изображается как женщина-воительница с кинжалом за поясом и двумя обнаженными мечами в руках.

рячий темперамент, так и его поэтический дар... Я выйду к нему на переговоры – если надо, спустившись со стены по веревке – и попытаюсь убедить, чтобы перестал понапрасну транжирить жизни наших мужчин.

– Не надо спускаться по веревке, – ответил я, – мы найдем способ лучше. Только тебе придется идти по трупам. Не побоишься?

– Не побоюсь, – гордо вскинула голову женщина, – мы всю жизнь ходим по трупам, и иногда среди них оказываются тела близких и дорогих нам людей. Только делай скорее то, что задумал, а то у татарского народа совсем не останется мужчин.

Всех-то делов было – надеть на совсем еще нестарую ханшу старый панцирь тевтонской работы с готовым заклинанием защитного ветра, а потом через боковую калитку в воротной башне, (предназначенную для диверсантов и лазутчиков) выпустить ее на мост через ров. Как я и говорил, этот мост был завален трупами и умирающими телами тех, кто неоднократно пытался добежать до ворот через свинцовый шквал, поэтому женщине пришлось идти аккуратно и очень медленно, обходя те места, где трупы вавлялись буквально кучами. Если бы кто-нибудь из татар, не распознав мать своего хана, (а может, прямо по обратной причине) выстрелил бы по ней из своего лука, то заклинание защитного ветра спасло бы ее жизнь.

Несколько выстрелов по медленно бредущей женской фи-

гуре и в самом деле было сделано. Но ни одна стрела не упала ближе десяти шагов от Гульнар-хатун. Потом на той стороне появился горячий вспыльчивый юноша-подросток – в богатых одеждах и в сопровождении телохранителей – который привел стрелков в чувство, да так, что некоторые из них в процессе этой процедуры просто взяли и умерли. Вот так – бей своих, чтоб чужие боялись. Начинаю подозревать, что эта поговорка пришла к нам именно от татар.

Добравшись до юноши, которым наверняка был сам Тохтамыш, женщина принялась ему что-то горячо объяснять, при этом обильно жестикулируя и указывая рукой на разбросанные повсюду трупы, которые еще предстояло захоронить до захода солнца, как это положено по мусульманской традиции. Небольшим усилием воли с помощью энергооболочки бога войны я мог слышать и понимать их разговор так же, как и при использовании направленного микрофона большой мощности.

Женщина говорила:

– Сынок, ты у меня непроходимый болван! Все эти люди, сыновья, мужья, братья и отцы погибли только из-за твоей горячности и неуместной торопливости. Штурмовать эти стены, когда за ними укрепились посланцы Азраила – это все равно что пытаться вычерпать море. Как ты мог допустить такую бойню, сын? Ведь ты же теперь наш хан, и именно от тебя зависит благополучие всего нашего народа.

Шестнадцатилетний хан (а на самом деле пацан с рогат-

кой) опустив голову, отвечал:

– Я же думал, мама, что всем вам грозит опасность. Гонец сказал, что на нашу землю напал ужасный враг, что все, кто мог держать оружие, убиты, остальные пленены или изгнаны из своих домов, и что у вас отняты все средства к существованию, стада и рабы – и теперь вам грозит голодная смерть...

Гульнар-хатун покачала головой.

– И ты, сын, – печально спросила она, – решил как можно скорее убить ту часть нашего народа, которая избежала пленения и уничтожения? Казни своего главного советника, он дает тебе дурные советы. Все в этом мире делается по воле Аллаха и по праву сильного владеть слабым. Когда вы, мужчины нашего народа, приходите к урусам, ляхам, хохлам, уграм или валахам, и силой оружия берете у них то, что вам нравится, то это делается по праву сильного владеть слабым. Когда тамошнее войско наносит вам поражение, и вы бежите обратно в степь, скуля и зализывая раны – то это тоже делается по воле Аллаха, ибо вы оказались недостаточно сильны. Когда к нам внезапно ворвались свирепые враги и принялись убивать всех, кто схватился за оружие, то в этом тоже была воля Всевышнего, которого мы разгневали своими разбоями. Смирись и покорись – и тогда будет к тебе Его милость: бескрайние степи, полные сочной травой, огромные стада диких зверей в этих степях, и никаких врагов или начальников, вроде стамбульского султана и его визиря, по воле которого вы ушли воевать угров и ляхов, оставив нас

в опасности.

Юный хан Тохтамыш вскинул голову.

— А верно ли говорят, мама, — с надрывом спросил он, — что не успело еще остыть тело нашего отца, зарубленного вражескими воинами на пороге нашего дворца, а ты уже была готова лечь в постель к победителю, но он отверг тебя и выгнал вон, сказав, что спит только со своей женой? Где же была твоя гордость? Ведь если бы он хотел, то по праву силы, как ты говоришь, взял бы тебя без всякого твоего желания, но совесть твоя тогда была бы чиста, и это на нем бы лежал грех насилия, а не на тебе грех прелюбодеяния.

Не было такого, не домогалась до меня эта женщина, все это грязные инсинуации. А если бы и домогалась, то тогда бы я ее действительно отверг — и как раз по тем соображениям, что я сплю теперь только со своей женой. Хватит, нагулялся.

И Гульнар-хатун это подтвердила.

— Знаешь, сын, — резко ответила она, — все это грязные инсинуации. Я прекрасно знаю обычаи гяуров, и никогда не стала бы проситься туда, куда меня никогда не пустят. Как вдова твоего отца, я имею право на уважение, и если кто-то еще начнет рассказывать обо мне грязные сказки, ты с чистой совестью можешь вырезать ему язык и бросить псам. А теперь пойдем. Тебе надо будет обсудить с Серегиным, где и каким образом наш несчастный народ будет отправлен в свою вечную ссылку.

01 сентября 1605 год Р. Х., день восемьдесят седьмой, Ночь. Кырым, крепость Ор-Капу

Бывший калга, а ныне хан Тохтамыш Гирей

Горе мне, несчастному, горе. В роковые времена довелось жить мне и моему поколению. Ужасная напасть выпала на нашу голову. Чужеземный властитель, владыка могущественных армий, а также могущественный колдун, чье лицо озарено лежащей на нем печатью Всевышнего, разрушил наше царство, убил моего отца и всех остававшихся дома воинов, а остальной народ обратил в бесправных и бездомных изгнанников. К моему стыду, и я сам, своими руками, усугубил беду, послав на бессмысленную смерть многих и многих достойных татарских воинов. Много их было убито под непреступными стенами Ор-Капу, а еще большее количество умрет от тяжелых ран еще до завтрашнего восхода. Воистину права была моя уважаемая мать, сказав, что мой советник Ислям-бий, чей язык от хитрости раздвоен, будто у змеи, даст мне дурные советы и злобно клеветает на моих родных.

Командир моих тургаудов-телохранителей Бохадыр-бек происходил из далекого Самарканда, поэтому не имел среди татар ни родственников, ни знакомых, а мне и моему отцу был предан как пес. Именно он предотвратил заговор моего старшего двоюродного брата Девлета, убив его вместе с

ширинским беem прямо на празднике Навруз, в силу чего его соучастник и мой старший единокровный брат Селямет бежал в Истамбул, припав к ногам турецкого султана, где им была оказана милость. Именно он учил меня, тогда еще несмышленного мальчика, натягивать до уха тугой монгольский лук, метко стрелять из пистолей франкской выделки и отменно владеть кривой саблей.

Подозвав к себе Бохадыр-бека, я шепотом приказал ему найти Ислям-бия и оглушить его ударом кулака по голове, если, конечно этот хитрец не носит под чалмой стальной шлем. Потом нечестивца требовалось утащить в такое место, где его вопли никого не потревожат, отрезать у него язык, уши, нос и все прочее висящее, которым он вождеделел мою добродетельную мать. Как только это будет проделано, не спеша и со всем тщанием этому обормоту требовалось переломить хребет, сложить вдвое и в таком виде вместе с камнями зашить в свежую баранью шкуру. После всего этого сверток оставалось бросить в зловонные воды Гнилого моря и навсегда забыть об этом человеке.

Отдав это и другие приказания, необходимые для обустройства лагеря, помощи раненым и подготовке к погребению большого количества погибших правоверных, я, склонив голову, последовал вслед за моей матерью. Нам предстояло пройти через пространство, отделявшее наш лагерь от стен Ор-Капу, которое мои воины так и не смогли преодолеть живыми, и на котором они сейчас лежали мертвы-

ми и умирающими. Со всех сторон от нас раздавались мольбы о помощи. Некоторые раненые просили воды, некоторые, предчувствуя переход в сады Джанны, молились Всевышнему, другие же визгливыми голосами проклинали меня и мою мать. Иногда нам приходилось обходить ямы, которые оставило чудовищное оружие, истреблявшее моих джигитов десятками и сотнями. Тогда мы еще не знали, что и наш лагерь, расположенный в четырех перестрелах от главных ворот Ор-Капу, тоже находится в пределах досягаемости этих чудовищных бомбард. Стоило только пушкарям получить соответствующий приказ, и смерть пришла бы и в то место, которое мы почитали безопасным.

У боковой калитки, через которую некоторое время назад вышла моя мать, нас уже ждали. Впереди стояли двое. Великий воин – воплощение архангела Михаила – во лбу которого горела печать Посланца Всевышнего, одетый в одежды цвета пожухлой травы, и обряженная в такой же мужской наряд мать всех демониц Аль-Узза в пылающей багровым огнем короне на голове. Каждый из них был при мече, кинжале и пистоле, только у Посланца меч был прямой, а у матери демониц изогнутый, похожий на турецкий ятаган. Странная пара – Посланец, почти равный Пророку, и главная демоница. Женщины, которые подпадают под влияние Аль-Уззы, делаются непокорными, дерзкими, желающими быть как мужчины и носить оружие наравне с ними.

Я ясно видел жемчужно-белый свет, исходящий от него,

и багровый, исходящий от нее – и он, и она были ужасны и смертоносны, но я не мог отвести от них своих глаз. Мне было понятно и то, что мальчишкой перед Посланцем должен был выглядеть не только я, но и мой почтенный отец, чьи виски поседели от множества лет, рука устала от битв, а ум с легкостью распутывал все интриги истамбульских евнухов, таких хитроумных, что они были готовы перехитрить самих себя. Позади этих двоих стояли четверо отроков – скорее всего, они являлись сыновьями знатных семей и находящиеся у них в услужении и на посылках, потому что одеты эти отроки были в такие же одежды, как и у их господ, и каждый из них имел при себе оружие. Кроме того, один из отроков тоже был отмечен печатью Всевышнего, а на трех остальных лежало Его благословение.

Моя мать Гульнар-хатун сделала шаг вперед и склонила перед Посланцем свою покрытую черным платком голову.

– Я привела к тебе моего сына, князь далекой земли, – хрипло произнесла она, – и он готов выслушать тот приговор, который ты вынес ему и нашему народу.

Было видно, что она отчаянно вожделеет этого мужчину, но никак не может себе в этом признаться. С другой стороны, ею явно руководила обида, ведь, взяв всю нашу землю, дома, сады, пастбища и стада, победители пренебрегли как ею самой, так и прочими нашими женщинами, не бросили в них свое семя и не взяли в гарем, а вместо того просто прогнали вон. А ведь мать моя, несмотря на годы, все еще

хороша собой, да и сестры Мириам и Алсу тоже настоящие красавицы.

Можно представить, что бы сделали мы, захватив семью какого-нибудь чужеземного владельца. Ни одна более-менее симпатичная и достаточно взрослая знатная полонянка не избежала бы моего мужского внимания. Женщины должны рожать от победителей, а знатные женщины побежденных должны рожать от знатных победителей – это закон, установленный Всевышним, и не нам его менять, даже если побежденными оказались мы сами. Но Посланцу Всевышнего закон, конечно, не писан, тем более что, как сказала мне мать, родился урусом и существует по совершенно иным правилам, чем мы, но тем не менее Всевышний любит его настолько, что отметил своей печатью.

Тем временем Посланец смерил меня взглядом с ног до головы, и от этого взгляда у меня по коже прошел мороз.

– Вы все, татары и ногаи, – сказал мне Посланец, выражая волю Всевышнего, – паразиты и алчные хищники, живущие разбоем и трудом множества рабов. Не желая мирно пасти свои стада, вы нападаете на соседние народы, грабите их достояние, убиваете старых и малых, а всех прочих угоняете в рабство. Теперь, когда терпение Отца лопнуло, вы лишаетесь возможностей творить свои злодеяния, и будете навсегда изгнаны из этого мира. Идите и готовьтесь. Завтра на рассвете неподалеку от вашего лагеря откроется дыра – и ты с подчиненными тебе воинами уйдете в нее до последне-

го человека. Вам будет дано три дня на то, чтобы обустроить безопасный лагерь и разведать местность, после чего дыра раскроется снова, и через нее к вам присоединятся женщины и дети вашего народа.

– А если мы не подчинимся? – неожиданно охрипшим голосом спросил я.

– Тогда вы будете уничтожены, – ответил Посланец, снисходительно улыбнувшись, – мужчин-воинов мы перебьем прямо здесь в бою, так что ни один не сможет спастись, а женщины и дети будут расселены по огромной территории – не более одного человека на селение, где будут вынуждены общаться на чужом языке и подчиняться чужим обычаям. Пройдет совсем немного лет – и все забудут, что где-то и когда-то существовал такой народ, и только те, кого вы терзали своими набегами, вздохнут с облегчением от вашего исчезновения.

Я был возмущен, душа моя кипела, и кипение это не находило себе выхода. Ведь я родной сын Газы Гирея Второго, и в полной мере унаследовал его вспыльчивый темперамент. Проклятый урус, он все очень хорошо продумал, и права Божьего Посланца позволяют совершать и не такие злодеяния. Но все равно мы и там, куда он нас пошлет своей волей, продолжим свое привычное дело – будем совершать набеги на окрестные народы и брать с них рабов, имущество и женщин.

– Юный дурачок, – вместо Посланца ответила мне обли-

завшая губы Аль-Узза, – там у вас не будет никаких окрестных народов – только вы и дикие звери, некоторые из которых гораздо страшнее, чем вы можете себе представить. Вам придется сражаться за свое существование не на жизнь, а на смерть, и не с людьми, а с дикой природой и свирепыми хищниками. Уже ваши внуки наверняка правнуки забудут, что такое грабеж, и будут полагаться только на собственную смекалку и труд. Конечно, размножившись, вы можете начать брать в плен и обращать в рабство друг друга, но тогда тебе и твоим потомкам, которые сменят тебя в должности хана, цена будет один грош в базарный день. Идите и готовьтесь к новому дальнему походу.

Сказать честно, я не понял, что значили слова Аль-Уззы о другом мире, в котором живут только дикие звери. Мне такое казалось просто невозможным. Люди, как и крысы с воробьями, есть везде. Да, я укротил свой дух и решил, что подчинение воле Посланца – это наименьшее зло. И сделал это я не ради себя или ради своих воинов, но ради того, чтобы мой народ продолжал жить, пусть и в другом мире. Но была еще одна проблема, которая делала затруднительным наше немедленное выступление в новый поход.

– Мой господин, – смиренно произнес я, – есть одно препятствие, которое помешает нам выступить завтра утром. После сегодняшнего боя мой лагерь полон раненых и многие из них ранены тяжело. Они умирают, и продолжают умирать еще несколько дней, и мы ничего не сможем с этим сделать,

ибо наши лекари-табибы – все равно что малые дети, блуждающие во тьме...

– погоди, – остановил меня Посланец, – лекарей мы прислать тебе не сможем, ибо ты не можешь гарантировать их безопасность. Зато я смогу прислать тебе лекарство, особую воду, которой надо поить раненых и промывать их раны...

Раздался звук «Хлоп!» и прямо передо мной образовалась девчонка в белом коротком и очень бесстыжем платье, с головой, накрытой белым же полупрозрачным покрывалом. От неожиданности я даже сморгнул. Вот никого не было – и вдруг девчонка...

– Это почему нельзя послать лекаря, – возмущенно спросила она у Посланца, – а я тогда на что? Пусть попробуют только решиться причинить мне зло – узнают тогда, как висящие причиндалы сами засыхают и отваливаются будто стручки гороха. А ведь я еще могу и не такое, стоит мне немного разозлиться.

– Можешь, можешь, – успокоил девчонку Посланец, – в этом я с тобой и не спорю. Самое главное, Лилия, чтобы ты мне их вылечила, а не поубивала. Поубивать их я и сам сумею, и не по одному разу.

– Эта девочка – могущественная джинни и одновременно великий лекарь, – добавила Аль-Узза, – старайтесь ублажить ее, выполняя все приказы – и большинство ваших всадников снова сядут на коней, а не отправятся в Джаханнам. Будете возмущаться от отказываться выполнять ее приказания – все

до единого превратитесь в скользких квакающих лягушек.
— А теперь идите и поторопитесь, — закончил разговор Посланец, — ибо время не ждет, а до утра еще многое должно быть сделано.

Мы вернулись в наш полный скорбных стонов лагерь, где я вызвал к себе Бохадыр-бека и поручил ему выполнять все прихоти джинни-табиба с поэтическим именем Лилия. И тут оказалось, что она действительно великая лекарка, и многие из тех, с кем мы уже готовы были расстаться, теперь снова сумеют сесть на коней. Умрут при этом немногие, а те раненные, которые выживут, но не смогут отправиться с нами в поход, будут поручены заботам наших собственных женщин, и поэтому соединятся с нами через три дня уже более-менее здоровые и годные к делу.

* * *

**04 сентября 1605 год Р. Х., день девяностый, Утро.
Крым, Бахчисарай, ханский дворец**

Княжна Елизавета Волконская-Серегина, штурм-капитан ВКС Российской Империи

Я все никак не могу опомниться от того факта, что теперь я не девушка со стажем и ветром в голове, а серьезный человек, жена очаровательного нахала и мать не менее очаровательного малыша. И пусть по большей части им занимаются остроухие няньки и кормилицы, которые генетически при-

способлены к тому, чтобы проявлять к ребенку всяческую заботу, но все равно каждый раз, когда я беру маленького на руки, то испытываю совершенно непереносимое чувство материнского счастья и любви. Ведь он – мой дорогой, моя крошечка и моя кровиночка – одновременно часть меня и моего очаровательного нахала. По крайней мере, носик у него весь в папу, и когда ему что-то не нравится, он точно так же комично хмурится, прежде чем заплакать. Несмотря на то, что я снова вернулась на службу (штурмоносец водить все равно кому-то надо), я взяла себе за правило проводить с моим маленьким Сереженькой не менее половины суток. Ведь все-таки именно я его мать. Конечно, он часто просыпается ночью и будит меня своим отчаянным криком, но это не страшно, отосплюсь потом на работе (шутка, между прочим, как раз в стиле моего очаровательного нахала).

Единственно, что меня сейчас огорчает, так это то, что Серегин-старший находится в походе, и видимся мы с ним исключительно во время моих визитов в марширующее войско Михаила Скопина-Шуйского, а они случаются не так часто, как бы хотелось. В остальное время я совершаю вылеты на воздушную разведку, а еще, как самый продвинутый и высокотехнологический специалист, помногу общаюсь с псевдоличностями «Неумолимого», особенно с Секстом Корвином, Септимом Цигнусом, Децимом Интуитусом, а также навигатором Викторией Кларой и инженером Климом Сервием.

Как-никак, они мне коллеги, хотя Валерия Клара, например, специалист в основном по межзвездной навигации, а из пилотов мне наиболее близок Септим Цигнус, чья специализация – транспортно-десантные корабли и тяжелые бомбардировщики, по размерам схожие с моим «Богатырем». Секст Корвин специализируется по маневренным одноместным кораблям – от легких посыльных ботов и истребителей до тяжелых штурмовиков, а обязанность Децима Интуитуса – пилотировать сам «Неумолимый», чудовищную громадину с не менее чудовищной инерцией. Я бы так не смогла, тут действительно нужна сверхинтуиция, не зря же мой очаровательный нахал дал фамилию «Интуитус» безымянному тогда Третьему Пилоту «Неумолимого».

Что касается Клима Сервия, то ему по профилю ближе прапорщик Пихоцкий, но я тоже вынуждена с ним общаться, так как без его пояснений невозможно понять, как вообще все это функционирует. Любой профессор Петербургского Технологического, кузницы кадров для нашей военной и аэрокосмической промышленности, за право общения с Климом Сервием отдал бы левую руку и правую ногу в придачу. Но общаться с Климом приходится мне, а это нелегко, потому что физику в летном училище у нас давали «галопом по европам», лишь бы мы в вопросах науки не были совсем безграмотными. А тут что ни объяснение, то темный лес, и Андрюша Пихоцкий не помогает, потому что плыть начинает через десять минут после меня. А этого мало, потому что

Клим Сервий на профильную тему способен общаться часами.

Кроме того, все псевдоличности в разговоре строго соблюдают субординацию, ведь я для них Ее Императорское Величество, а мой завернутый в пеленки малыш – Наследник-Цесаревич. И пусть наша «империя» пока состоит из одного лишь только «Неумолимого», но надо сказать, что это достаточно весомый капитал, как и преданное лично моему мужу пятидесятитысячное войско, а также подчиненные ему эксклавы в трех мирах, каждый из которых имеет важное геополитическое значение. Но я к этому еще не привыкла, и попадая на «Неумолимый», каждый раз вздрагиваю от крика виртуального дежурного офицера: «Государыня-императрица и наследник-цесаревич на борту». И каждый раз я спрашиваю себя: «Это обо мне?». Сам Серегин, по-моему, относится к своему «императорству» несерьезно-наплевательски – мол, хочется псевдоличностям считать его императором Вселенной, ну и пусть. Сам «Неумолимый» для него пока нечто среднее между большой игрушкой и обузой, на которую надо тратить свое драгоценное время, поэтому после того, как я оправилась от родов, он с удовольствием спихнул эту обязанность на меня.

А я, со своим опытом офицера императорских ВКС, видела, что «Неумолимый» – это нечто большее, чем представляется моему мужу. В его памяти имеется вся добытая построившей его цивилизацией навигационная информация о на-

шем и двух ближайших галактических рукавах с указанием пригодных для колонизации планет и базовых миров нечеловеческих цивилизаций. От того, что мы теперь находимся в другой группе миров, базовая структура окружающей нас Вселенной меняться никоим образом не должна. Я бы с удовольствием прошвырнулась по ближайшим звездным окрестностям, заглянув в гости к не самым опасным соседям, но, во-первых, для этого необходимо разрешение моего мужа (без это «Неумолимый» не тронется с места), а во-вторых – требуется дождаться, пока трудами Клима Сервия техническое состояние «Неумолимого» из «умеренно-плохого» превратится в «хорошее», а еще лучше в «отличное, без изъянов».

Ответ на первый вопрос в ближайшее время скорее отрицательный – космические путешествия на данном этапе Серегин считает ненужным баловством. Мол, сначала необходимо выйти на самый доступный нам верх и решить проблемы его родного мира (на что потребуется достаточно много времени), и уже потом развивать путешествия межзвездные путешествия. Примерно столько же времени понадобится и Климу Сервию для завершения цикла восстановительных работ, ускорить которые может только доступ к какому-нибудь высокотехнологическому и промышленно развитому миру, вроде моего собственного.

Кстати, в последнее время у меня появились двое маленьких сторонников. Межзвездными путешествиями «заболе-

ли» Митя и его подружка Ася. Они так же, как и я, хотят летать к звездам, видеть новые миры и встречаться с представителями нечеловеческих цивилизаций, некоторые из которых выглядят как продукт генетических экспериментов над представителями человеческой расы, потому что иначе у них и у людей не могло бы быть общего потомства (а Библиотека «Неумолимого» утверждает обратное).

Но сегодня я собираюсь отправиться на «Неумолимый» не с Асей и Митей, и не для того, чтобы порыться в Библиотеке и помечтать о будущих полетах далеким мирам. Сегодня моим спутником будет Дима Колдун. В прошлый раз Клим Сервий заинтересовался вопросом о том, что такое магия и, соответственно, магическая энергия, которой в нашей команде пользуется каждый второй; а наука их мира и не подзревала о существовании этого явления. Вот и пришлось вести к нему для беседы одного из самых квалифицированных наших магов.

* * *

Примерно через час, тот же мир, Крым, Севастопольская бухта, линкор «Неумолимый»

Княжна Елизавета Волконская-Серегина, штурм-капитан ВКС Российской Империи

На самом деле в нашем разговоре с юным чародеем собрался поучаствовать не только Клим Сервий, но фактиче-

ски и остальные псевдоличности. Оказалось, что их всех до единого интересовал вопрос, как могло получиться так, что их достаточно совершенная с научной точки зрения цивилизация упустила из поля зрения столь важный аспект фундаментальной структуры Вселенной? Быть может, что-то в их представлениях о конструкции Мироздания было неправильным, а чего-то просто недоставало. Пока эта загадка не будет раскрыта, псевдоличности буквально «не могут кушать», хотя кушать в прямом смысле этого слова им как раз и не требуется.

Наш разговор состоялся в помещении исследовательской лаборатории, в прошлые эпохи существования «Неумолимого» принадлежавшей к ведомству главных инженеров. Роботы-уборщики вылизали тут все до зеркального блеска, а роботы-ремонтники привели в рабочее состояние аппаратуру и приборы, которые восстановить было можно, и убрали прочь все то, что представляло из себя ни к чему негодный хлам. Для нас с Колдуном были приготовлены роскошные мягкие кресла, мебель для псевдоличностей была в виде таких же голограмм, как и они сами. Действительно, как и обещали, на эту встречу они явились в полном составе. Присутствовал даже казначей Кар Аврелий, которого до этого я видела только пару раз.

Началась встреча стандартно. Едва мы с Димой вошли в помещение, как командир «Неумолимого» по имени Гай Юлий, командовал всем: «Встать, смирно!» – и голограммы

вскочили, вытянувшись в струнку, тем самым демонстрируя свой пиетет перед моим статусом супруги императора. Мне осталось только благосклонно кивнуть (ведь я все-таки воспитанная девушка) и, разрешив им вести себя вольно, попросить сесть. Потом слово снова взял Гай Юлий, который, поблагодарив нас за прибытие, назначил Клима Сервия председательствующим сегодняшней встречи.

– Итак, – сказал Клим Сервий, – за последнее время в наших представлениях о картине окружающего мира произошли значительные изменения. Я имею в виду так называемую магию, которую в своей повседневной деятельности используют государь-император, государыня императрица, а также их многие соратники, в том числе присутствующий здесь Дмитрий Магус. Как мы понимаем, речь идет о некой разновидности энергии или поля, которые никоим образом не участвуют в развитии миров в соответствии с естественным ходом вещей, но при этом являются необходимыми в момент создания мира, когда этот порядок только формируется. Мы предполагаем, что это поле или энергия является основным инструментом Творца по формированию новых миров. Кстати, то, что наш мир был им создан не в единичном экземпляре, тоже стало для нас открытием. На более позднем этапе развития эта поле или энергия позволяют вмешиваться как в фундаментальные процессы в уже созданном мире, так и производить локальные изменения в путях его развития. То, что некоторые люди способны в ограниченном

масштабе использовать те же методы, что и Творец, говорит только о том, что в Писании верно указано, что Человек был создан по образу и подобию Божьему, а также о том, что Господь вдохнул в людей свою божественную душу, через которую они потенциально в ограниченном объеме унаследовали и его возможности. Вопрос был только в том, что выделить это поле в структуре Вселенной, исследовать его и научиться воспроизводить. Да, да, именно воспроизводить, потому что и наш господин, и его соратники жаловались на то, что в так называемых «верхних мирах» напряженность этого поля недостаточная и очень быстро снижается при активной эксплуатации. Итак, с помощью имеющихся на борту приборов физической разведки, необходимых для наблюдений за состоянием окружающих физических полей во время межзвездного прыжка, мы внимательно наблюдали за процессом запуска так называемого магического фонтана и, как нам кажется, смогли выделить компоненту, которая начала быстро расти с началом этого процесса, достигнув максимума где-то в течении четырех-пяти дней. Эта же компонента является ключевой и в ходе межзвездного прыжка, отвечая за процесс образования окна в метрике пространства-времени, и поэтому нам удалось построить устройство, конвертирующее в это поле самое банальное электричество. Мы готовы продемонстрировать этот экспериментальный прибор, но должны предупредить, что значительные локальные концентрации этой энергии способны приводить к самопроизвольному

разрушению ткани Мироздания, точечным провалам из одного мира в другой и прочим негативным вещам, вплоть до рождения детей-уродов. Процесс должен находиться под сознательным контролем, который, по вашим словам, обычно осуществляют так называемые духи стихий.

– Так, – сказала я, хлопнув ладонью по колену, – выходит, установку для генерации магического фона вы создали, но она небезопасна?

– Вы неправильно меня поняли, ваше императорское величество, – извиняющимся тоном произнес Клим Сервий, – этот маленький лабораторный образец полностью безопасен, но у него нет перспектив в смысле практического применения. Уж очень он маломощен. Но генераторы промышленного назначения в силу указанных мною причин могут быть достаточно опасны. Вот смотрите...

С этими словами он подошел к лабораторному столу, стоявшему прямо напротив нас, и прикоснулся к крышке небольшого металлического ящика. Тут же раздалось низкое гудение, как от электробритвы, а на передней панели прибора зажглась зеленая лампочка. Заинтересованный Дима Колдун встал, подошел этому к столу и, взявшись левой рукой за свой амулет (что он делал только в исключительно сложных случаях), правой ладонью несколько раз обвел ящик сверху и по бокам, впрочем, не прикасаясь к его поверхности.

– Да, Елизавета Дмитриевна, – после некоторых раздумий сказал он, – это действительно Источник, но только мало-

мощный, и с отчетливым привкусом энергии в спектре Хаоса. При большой мощности такой источник действительно может быть опасен, ибо чистый Хаос в любых количествах это совсем не то, что хорошо для здоровья... Мой учитель говорит, что именно наличие энергии Хаоса в излучении этого прибора и должно приводить к тем негативным последствиям, о которых говорил уважаемый Клим Сервий.

После слов мальчика в помещении на некоторое время наступила тишина. Наконец ее нарушил командир «Неумолимого» Гай Юлий:

– Так вы, молодой человек, считаете, что этот прибор может быть доработан так, что будет безопасен даже без наличия при нем так называемого духа стихии?

– Да, – ответил Дима Колдун, – достаточно только сдвинуть спектр его излучения в безопасную область. Поскольку уважаемый Клим Сервий ничего не понимает в магии, а я и мой учитель очень мало понимаем в технике, то заниматься этим вопросом нам лучше совместно. Пусть Клим Сервий регулирует свой прибор, а мы с учителем будем говорить ему о том, как меняется спектр излучения.

Клим Сервий имитировал тяжелый вздох, а Гай Юлий кивнул и произнес:

– Пусть будет так! Ближайшее время, до получения следующего распоряжения инженер Клим Сервий вместе с юным Дмитрием Магусом занимаются регулировкой лабораторного магического генератора. Ваше императорское Величе-

ство, вы утверждаете мое решение?

Я подумала, что нет ничего плохого в том, что у наших колдунов появится техногенный источник магии, который сделает нас независимыми от ее естественных источников и согласилась. Но с другой стороны, пользоваться им надо будет с осторожностью, и только в самых крайних случаях, потому что еще неизвестно, как отреагируют немагические миры на резкое повышение в них магического фона. Не полезет ли при этом из углов всякая погань, ведь ломать – не строить; и не начнут ли рушиться сами основы нашей привычной цивилизации, ведь особыми талантами могут обладать и беспринципные, алчные и просто жестокие люди – а это грозит верхним мирам большими бедами. Пусть лучше это самое повышение магического фона будет носить локальный или кратковременный характер, чтобы им могли пользоваться только маги нашей команды, а во всем прочем верхние миры обойдутся и без магии, ведь «Неумолимый» принесет им самую совершенную технику. При этом необходимо продолжить изучение структуры мироздания и участие в ней магического компонента. И лучше всего, если делать это будут исследовательские институты Российской Империи моего мира.

* * *

09 сентября 1605 год Р. Х., день девяносто пятый,

Полдень. Русское царство, Новгород-Северский, полевой лагерь войска Михаила Васильевича Скопина-Шуйского

Серегин Сергей Сергеевич, Великий князь Артанский

Дав войскам трехдневный отдых у Брянска, и оставив в крепости небольшой гарнизон из двух сотен стрельцов, которым был дан приказ местных севрюков не забижать и вообще вести себя гуманно, Михаил Скопин-Шуйский вместе со своей небольшой, но уже отлично сколоченной армией, двинулся дальше в сторону Новгород Северского, навстречу гетману Жолкевскому. Для нас, то есть для меня, Кобры, Профессора, Матильды и Ува, за исключением коротких отлучек по делам, это была прекрасная возможность совершить почти туристическую конную прогулку в бархатных условиях то ли позднего, уже угасающего лета, то ли ранней, еще едва заметной осени.

При этом, хоть тут и не Европа, но для Скопина-Шуйского присутствие в моей свите подростков было вполне нормальным. Не вызвала подозрений даже одетая по-мужски Матильда. Мальчики в нынешние времена начинали служить лет с четырнадцати, в шестнадцать при мало-мальски успешной карьере получали чин стольника, а годам к двадцати пяти, если карьера шла и знатность соответствовала, можно было получить и боярское звание, которое против моих ожиданий отнюдь не было наследственным и которое еще тре-

бовалось заслужить.

Все это я узнал из неторопливых бесед, когда к нашей кавалькаде, передвигающейся неспешным шагом, присоединялись, то Михаил Скопин-Шуйский, то Петр Басманов. Кстати, они оба по достоинству оценили экипировку производства Клим Сервия, как люди с немалой физической силой, предпочитая при этом рейтарский комплект. Дополнительный плюс помимо шика и удобства заключался в том, что этих двух командующих русской армией теперь чрезвычайно сложно убить, разве что ядром из пищали в упор...

Кстати, о пищалах. Я с удивлением узнал, что на пушечном дворе в Москве работает знаменитый пушечный мастер Андрей Чохов, тот самый который отлил еще более знаменитую царь-пушку. Знаменитый демонстрационный лафет на колесах для нее изготовят значительно позже, а сейчас эта чрезвычайно неподъемная бандура, установленная на дубовой станине была предназначена для производства единственного выстрела каменным дробом по ворвавшимся в пределы Москвы татарским захватчикам. Битву тогда, десять лет назад выиграли и без такого экстрима и осталась царь-пушка навечно нестреляющим экспонатом.

Недолго думая, я взял с собой на экскурсию по пушечному двору командира гаубичного дивизиона танкового полка, своего почти полного тезку, капитана Серегина Сергея Юрьевича и тот набросал Чохову схемы клинового и поршневого затворов, запальной трубки с терочным воспламе-

нением, а заодно нарисовал в разрезе знаменитую секретную Шуваловскую гаубицу. Не знаю как осадные пищали крупного калибра, которыми был знаменит Чохов, но четырехфунтовые (87-мм) полевые казнозарядные пушки можно лить и из бронзы. Проверено историей. И дело тут даже не в нарезном стволе как это пишется в учебниках, а в резко увеличивающейся скорости заряжания, ибо теперь заряд со снарядам, не надо пропихивать банником через длинный ствол. Надеюсь, что в самое ближайшее время Андрей Чохов найдет, чем неприятно удивить польско-литовских интервентов, не меньше чем в нашем прошлом их удивил Иван Сусанин. А мы сумеем максимально быстро доставить его подарок к месту боевых действий.

По пути к Новгород-Северскому Скопин-Шуйский продолжал рассылать во все стороны разведывательные разъезды и совершенствовать воинское мастерство своего войска. В основном отрабатывались перестроения пехоты из походного порядка в боевой и обратно, а также кавалерийские контратаки остановленной на пиках и потерявшей пробивную мощь польской кавалерии. При этом отрабатывалась оборона, как в чистом поле, так и с использованием сцепленных особыми цепями обозных телег, или с применением специальных деревоземляных оборонительных сооружений. При первом варианте устойчивость обороны была минимальной, но он, же требовал меньше всего времени на перестроение, что было важно в условиях внезапного враже-

ского нападения. При последнем варианте устойчивости была максимальной, но на постройку этих самых укреплений требовалось несколько часов, что на войне не всегда возможно.

Но совершенствование в боевой подготовке занятие пусть и важное, но не самое главное. Самое главное заключалось в политическом эффекте, которое производила демонстрация хорошо дисциплинированного, обученного и вооруженного войска. Еще в Брянске, перед выступлением к Новгород-Северскому к армии Михаила Скопина-Шуйского присоединился отряд тульских дворян, численностью в пятьсот сабель под общим командованием тульского же дворянина Истомы (Филиппа Ивановича) Пашкова. А уже при завершении перехода, почти на месте, в Новгород-Северском войско нагнал рязанский воевода Прокопий Ляпунов, имевший в своем активе почти две тысячи конных, и пять тысяч пеших ратников, включая три тысячи стрельцов, то есть значительную часть гарнизонов Рязанской земли. Кроме того в войско постоянно вступали мелкие группы местных служилых людей. А всего-то надобно было объявить амнистию тем бывшим сторонникам Лжедмитрия, которые были готовы присоединиться к будущему царю Михаилу Васильевичу в деле борьбы с польской интервенцией.

По всем южным окраинам Руси широко разошелся слух о том, что у короля Сигизмунда III Вазы нет денег на то, чтобы платить жалование своим оголодавшим войскам и поэто-

му он отдал им всю русскую землю на поток и разграбление. Первое – истинная правда, второе – опережающий черныи пиар, который станет правдой через пару месяцев. Правда украиннх казаков для Жолкевского уже набирают под разрешение грабежа, так что не так уж мы и поспешили. За счет этих прибытков войско численно выросло не менее чем втрое до двадцати пяти тысяч пехоты и девяти тысяч конницы, да только новоприсоединившиеся части, за некоторым исключением очень плохо управляемые, дисциплинированные и вооруженные, поэтому общая боевая мощь войска увеличилась незначительно, а может быть даже и упала. Единственно, кто сразу вписался в коллектив, так это гарнизонные стрелецкие сотни. А что касается остальных, то лучшими бойцами следует пополнять уже существующие подразделения, а всех прочих держать отдельно, чтобы они не путались под ногами. Охотно верится, что как раз именно из этого рыхлого конгломерата и должно было через год-полтора состоять войско Ивана Болотникова.

До Новгород-Северского в эти тихие дни то ли позднего лета, то ли ранней осени армия Скопина-Шуйского не спеша дошла ровно за десять дней, и там, в окрестностях сожженной и разоренной крепости, в знакомых Петру Басманову местах, снова встала лагерем на трехдневный отдых, разослав во все стороны кавалерийские разъезды. С этой позиции, которая перекрывает Жолкевскому прямой путь на Москву, Михаил Скопин-Шуйский намерен начать рассу-

лать во все стороны кавалерийские отряды для прижучивания разбойничающих в округе банд запорожцев. Часть из них работают на гетмана Жолкевского фуражирами и разведчиками, а часть орудует на свой страх и риск, но разницы между ними нет никакой, грабят и режут местный народ они одинаково. Тем более, что и народу и так уже живется несладко, с тех пор как год назад по этим местам прошло войско Василия Романова (Лжедмитрия I) и нарушило привычный порядок вещей.

И вот сегодня в наш лагерь явились посланцы, присланные командованием черниговского гарнизона, городских стрельцов и казаков, а также выборные от горожан, которые принесли нам слезную просьбу освободить город от осады, в которую ее взял гетман Жолкевский, а округу от мародерствующих банд. То, что Чернигов на этом направлении является воротами Руси, а также важным опорным и логистическим пунктом, понятно всем и каждому, не зря же и Самозванец начал свою кампанию именно с захвата Чернигова, горожане которого сами отдались «природному царевичу» и принудили к тому же московских воевод князей Татеева, Шаховского и Воронцова-Вельяминова.

Тогда, год назад, черниговцы считали, что не случилось ничего особенного, состоялись внутрисемейные разборки, решающие кому сидеть на московском троне, а кому бежать восвояси и жесткость репрессий, которую применил к ним Борис Годунов и его воеводы, которые в будущем состави-

ли основу Семибоярщины, была им непонятна. Ведь в старину голос горожан, высказывающих свое мнение о том кому быть на княжении, нередко был решающим, и неугодные князья кубарем слетали с того или иного княжеского стола. Ну ошиблись и позвали на царство не того кого надо, ну с кем не бывает, ведь дело же поправимое. Так зачем класть пусту целые волости, без счета истребляя и служилых людей и крестьян?

Но гетман Жолкевский и польский король были для черниговцев людьми чужими и по крови и по вере, поэтому городские врата остались перед ними закрытыми, а на стены помимо гарнизона встало городское ополчение из ремесленников посадских, а также охочие люди, нанятые трягнувшими мощной купцами. В нашем прошлом с началом открытой польско-русской войны польские интервенты опустошили и разорили Чернигов, также как это сделали орды Батыея во время монгольского нашествия и видимо в этот раз город ждет та же печальная участь, если не вмешается наше войско. Но, как и тогда стрелецкий гарнизон и горожане будут стоять перед врагом насмерть, ибо защищают свои дома, своих родных и близких, которым грозит поток и разорение.

И вообще, это черниговское посольство к Скопину-Шуйскому напомнило мне знакомую с детства картинку «Ходок и Ленин». Вот напротив нас с Михаилом, выпрямившись, стоит стрелецкий полусотник, всех начальников старше чином забрал с собой Лжедмитрий, и терпеливо ждет ответа,

положив руку на рукоять сабли. Рядом с ним мелкий купчик или зажиточный ремесленник из городской черной сотни, нервно мнет в руках шапку в окружении выборных рангом пониже, из посадских или даже крестьян, опустивших голову от стыда за прошлогодние свои художества. Но у меня сейчас совсем нет желания наводить критику на этих людей, с головами замороженными Смутой, которой немало поспособствовали неразумные решения предыдущего правительства, читай Бориса Годунова. Надоело повторяться, дело делать надо.

Решено. Послезавтра сворачиваем лагерь и выступаем к Чернигову, бодаться с Жолкевским. Дней через семь-восемь первая фаза войны уже разрешится и местные служилые люди, ранее колебавшиеся в выборе, в этой схватке будут на нашей стороне, обеспечивая связь и разведку. Не зря я советовал Михаилу не слишком торопиться к месту событий. Помимо возможности устроить учебный процесс без отрыва от марша, это дало местным жителям возможность по полной программе оценить польских гостей, вместе с их украинско-козацкими подхалимами, и окончательно выбрать для себя, на чьей стороне они будут сражаться. Также не пропал втуне и весь арсенал нашей пропаганды и агитации, который мы тоже использовали не стесняясь по полной программе, от подкидывания анонимных писем, до засылки распространителей нужных нам слухов. Какие могут быть стеснения, когда Родину спасти надобно, а всякий, кто выступает против

этого, есть самый натуральный враг народа. И вот теперь нива полностью созрела, пора убирать урожай. Без этого могла получиться война всех со всеми, то есть явление крайне нежелательное и нам совершенно не нужное.

* * *

**12 сентября 1605 год Р. Х., день девяносто восьмой,
Полдень. Москва, Пушечный двор
Мастер Андрей Чохов**

На Пушечном дворе, находящемся примерно там, где в наши дни расположен магазин «Детский мир», несмотря на прохладную осеннюю погоду, стоит невыносимая жара. Пышет огнем литейная печь, в которой плавится смесь из ста частей красной меди, восьми частей олова и десяти частей латуни, превращаясь в самую лучшую в этом мире венецианскую пушечную бронзу. Потом эта расплавленная бронза раскаленными тонкими ручьями по специально проделанным по земле каналам течет в расположенные вокруг нее заглубленные в землю специальные новомодные сборные литейные формы-жакеты предназначенные для отливки полевых четырех, восьми и двенадцатифунтовых пушек, в эти времена именуемые «малым нарядом». Эти необычные в эти времена орудия, которых заморский князь Серегин заказал для русского войска «чем больше, тем лучше» были предназначены не для разрушения крепостей, а всего лишь для

быстрого и максимально эффективного истребления вражеских воинов на поле боя.

Мастер Андрей Чохов, в свое время учившийся у знаменитого пушечного мастера Кашпира Ганусова, прожил шестьдесят лет, но таких пушек и таких методов отливки до сей поры не видал. Сами готовые пушки выглядели странно. Гладкий, без узоров и рисунков сквозной бронзовый ствол, отлитый заодно с цапфами и чуть расширяющийся к казенной части, отдельно отлитый навинтной казенник с кованым из железа вертикальным клиновым затвором, винтовой подъемный механизм вместо вертикального клина, легкий скрепленный железными кольцами деревянный лафет.

Орудия выпускались трех типов. Четырехфунтовка (87мм) с длиной ствола в двадцать калибров, вместе с лафетом, но без зарядного ящика, весила двадцать пять пудов (400 кг.). Восьмифунтовка (107мм) с длиной ствола в восемнадцать калибров, весила 32 пуда (500 кг.). Двенадцатифунтовка (120мм) весила 42 пуда (680 кг.). Все эти пушки перевозились парой лошадей в пешей и четверкой в конной артиллерии, а также имели при себе пароконную зарядную повозку с готовыми выстрелами в закрытых и защищенных от непогоды ящиках.

От идеи изготовления копии Шуваловских гаубиц² капи-

---

² **Историческая справка:** Секретные Шуваловские гаубицы, дульнозарядные бронзовые орудия середины XVIII века с каналом ствола в формы вытянутого в горизонтальном направлении овала, предназначенные для стрельбы картечью по плотным боевым порядкам пехоты и кавалерии.

таны Серегины, в конце концов, отказались, потому что те хороши были только в стрельбе картечью по плотным боевым порядкам противника, но были крайне плохо приспособлены к любым другим видам стрельбы. Так, например, заряжаемые поперек ствола овальные снаряды были в два-три раза сложнее и дороже в изготовлении, а летели, беспорядочно кувыркаясь, на меньшую дистанцию и с меньшей точностью, чем круглые чугунные ядра обычных для этого времени пушек. К тому же дебильной выглядела ситуация когда один заряжающий вкладывал со стороны дула снаряд, а второй подавал с казенной части картуз с пороховым зарядом.

В противовес этим узкоспециализированным мутантам, пушки Серегина, являвшиеся загроможденными гладкоствольными репликами бронзовых полевых пушек Крупна 1860-х годов, могли стрелять не только картечью, которая была для них скорее вспомогательным боеприпасом, но еще и цельнолитым чугунным ядром, цепным кнйппелем, фитильной фугасной бомбой и круглой осколочной или зажигательной гранатой. Все эти боеприпасы в один прием заряжали с казенной части в виде увязанного в один холщевый картуз снаряда, уплотнительного башмака и порохового заряда. В теле клин-затвора было высверлено отверстие в которое можно было вставить либо натяжной запал, работающий от вытягиваемого шнура по принципу детской хлопушки-салюта, либо набитую пороховой мякотью трубку-замедлитель,

которую было положено поджигать пальником, как и при стрельбе из обычных местных пушек. Еще для этих орудий разрабатывались удлиненные оперенные гранаты с головным взрывателем мгновенного действия, внешне очень похожие на минометные мины. Но с этим дело пока не шло, такие гранаты были примерно вчетверо тяжелее обычных ядер, следовательно требовали усиленного порохового заряда и больших углов возвышения. Кроме того они оказались крайне дороги в производстве и снаряжать их черным порохом, имеющим очень слабую разрывную силу практически не имело смысла.

Но Андрей Чохов все равно был полон творческих планов. Одна лишь «жакетная» технология отливки пушечных стволов сократила производственный цикл примерно втрое, с восемнадцати до семи дней, а ведь ему еще был передан секрет знаменитой венецианской пушечной бронзы, так что как только будет выполнен наказ по малому наряду, то он сразу же приступит к изготовлению полупудовых, пудовых и двухпудовых длинноствольных стенобитных пищалей осадного наряда, соединяя отработанные при выполнении этого заказа полученные от пришельцев знания со своим собственным мастерством. Ведь всем были хороши его длинноствольные стенобитные пищали, и ядро из них летело далеко, и било мощно, но вот заряжать их с дула для пушкарей было истинной морокой.

А еще, в дальнем сундуке у Андрея Чохова лежала хит-

рая тетрадка, в которой было расписано, как лить пушки и вообще разные вещи из стали. Конечно, княжий сродственник всего лишь пушкарь, а не литейщик, процессы он описал достаточно приблизительно и много до чего Андрею Чохову и его ученикам придется доходить полностью самостоятельным путем. По крайней мере, сперва будет необходимо построить первую на Руси, да и во всем мире домну, массово производящую чугуны или свиное железо. Все основные знания, необходимые для этого невиданного дела, тоже имеются в той же тетрадке, переписанные из книг, которые еще только будут изданы столетия спустя. Потом Чохову и его ученикам потребуется опробовать продувку свежего чугуна расплава воздухом для того, чтобы превратить его в железо и сталь и лишь затем можно будет приступать к попыткам отливки первых стальных пушечных стволов по верченной технологии.

По крайней мере уже получено согласие на все это митрополита Гермогена, который после ухода Михаила Скопина-Шуйского на войну оказался главой правительства и местоблюстителем царского престола. Дополнительная сталь в государстве никогда не будет лишней. Если не лить из нее пушки, то можно использовать для производства множества иных вещей, нужных и полезных в народном хозяйстве. Под Тулой при одном из монастырей на реке Упе, в краях богатых лесом для производства древесного угля и болотной рудой, уже выделено место для нового железоделательного и

оружейного завода. Андрею Чохову осталось только закончить нынешний заказ и собираться ехать смотреть, что там да как.

* * *

15 сентября 1605 год Р. Х., день сто первый, Полдень. Русское царство, селение Березна в сорока километрах от Чернигова, полевой лагерь войска Михаила Скопина-Шуйского

Серегин Сергей Сергеевич, Великий князь Артанский

Примерно в двух суточных переходах от конечной цели нашего похода, Михаил Скопин-Шуйский остановил войско, выпустил вперед развернувшуюся в веер конную разведку, а пехоте и обозу дал команду окапываться, то есть строить вокруг лагеря деревянные острожки. Ведь польному коронному гетману Жолкевскому уже наверняка стало известно о нашем приближении и не сегодня-завтра следовало ожидать «внезапного» визита польско-козацкой конницы. Подчиненное Жолкевскому войско по-прежнему бесплодно топталось под Черниговом. За это время свежеприбывшие запорожцы, которым было обещано отдать этот город на трехдневное разграбление, два раза успели сходить на штурм, умылись при этом кровью, и теперь сидели и изнывали в нетерпении в ожидании королевских осадных пушек, которые по пыль-

ным украинским дорогам сейчас тащились где-то в районе Житомира. Ну точно также как их потомки в наше время делали под Донецком.

Наверняка, в первых рядах Жолкевский бросит на нас не польскую гусарию, которая у него на вес золота и может только довершить главное дело, а вот этих отморозков, которым все равно кого резать и насиловать, то ли польских панов и панночек, то ли ливонских обывателей, то ли русских мужиков и девок. И вот как раз едва мы встали лагерем у этой Березны, Елизавета Дмитриевна на штурмоносце в несколько ходок доставила нам первую часть нашего пушечного наряда вместе с боекомплектom и обученными расчетами. Двенадцать двенадцатифунтовок, двадцать четыре восьмифунтовок и сорок восемь легких и маневренных четырехфунтовок. Все орудия Михаил тут же приказал расставлять по острожкам и при этом тщательно маскировать. До первого залпа картечью в упор противник не должен будет подозревать о том, что у нас есть хоть какая-то артиллерия.

* * *

17 сентября 1605 год Р. Х., день сто третий, Вечер.
Русское царство, в сорока километрах от Чернигова,
место битвы при Березне

Серегин Сергей Сергеевич, Великий князь Артанский

Как писал великий русский поэт: «Смешались в кучу кони, люди, и залпы тысячи орудий, слились в протяжный вой». Так уж получилось, что раз я впервые присутствовал на поле битвы, в которой массово применялось огнестрельное оружие на дымном порохе. Когда из цепи хорошо замаскированных острожков с полутысячи шагов по атакующей казацкой коннице жажнул картечной пулькой весь наш малый пушечный наряд, и все поле тут же затянула плотная пелена белого порохового дыма. Смешиваясь с грохотом пушечного залпа, раздалось отчаянное ржание раненых коней и отчаянные вопли искалеченных и умирающих «побратимов».

Но не успели уцелевшие украинные козаки проскакать и ста шагов, как пушки жажнули залпом картечью повторно, уже вслепую крестя смертное поле картечью, а потом еще раз и еще. Такая скорострельность в эти времена была невиданна, и уцелевшие казаки, в основном из задних рядов, нахлестывая коней, повернули вспять, подальше от этой едва заметной цепочки задернованных пригорков, откуда пушечными залпами плюется свинцовая смерть. При этом они проклинали нехорошими словами пана коронного гетмана, который сказал их козацкому гетману о том, что у москалей пушек нет, и не будет, а тут вон оно как вышло. Подставили на убой цвет козацкого воинства, собрали кровавую жатву, полили смертное поле православной христианской кровушкой.

Напрасно выученные нашими инструкторами спитцеры, нервно сжимающие в руках свои пики, так как это было их первое сражение, вглядывались в окружившую острожки постепенно рассеивающуюся колышущуюся дымную пелену. Напрасно стрельцы держали у щеки наготове свои фузеи и штуцера с дымящимися фитилями, готовые поприветствовать пулей любого выскочившего из дыма пана. Никого!

Из пяти тысяч новонабранных реестровых козаков, брошенных в первую пробную атаку, вернуться к исходным позициям смогли не более двух сотен, почти половина из которых имели ранения различной степени. И ни один из них не сумел доскакать ни до рядов растянутого в траве спотыкача, ни до щедро разбросанного в траве «чеснока». Самый ближний труп козака с лошадью лежал чуть более чем в двухстах шагах от линии оборонительных сооружений. Получалось, что два последних залпа пушкари сделали вслепую уже в спины убегающим запорожцам и многие из них, кого смерть застала в момент отчаянного бегства, были поражены в спины, а то и пониже. Увертюра сражения при Березне была сыграна с большим шумом, теперь нам предстояло пережить первый акт этой трагедии.

Тем временем на орудийных позициях пушкари, отчаянно банили откаченные пушки с казенной и дульной стороны и поливали их вонючим уксусом для быстрейшего охлаждения, ибо пять залпов сделанных подряд в режиме беглого огня это был тот максимум, какой они могли сделать

без перерыва на охлаждение и пробанивание. Если бы Жолкевский догадался, прикрываясь дымной пеленой, пустить вслед за первой атакующей волной вторую, то резаться с ней пришлось бы уже не имевшим опыта сражений спитцерам и московским стрельцам.

Но, видимо, наблюдая за истреблением своего авангарда, гетман Жолкевский замешкался и пришел в смущение. Ему, в отличие от нас, пороховой дым в значительно меньшей степени мешал наблюдать за тем, как новомодные пушки залп за залпом выкашивают смешавшиеся козацкие ряды и как возвращаются на исходные позиции окровавленные и растрепанные ошметки, часто в виде едва ковыляющих на своих двоих козаков или раненых лошадей без всадников. Все остальные остались там в поле, украсив чуть пожухлую осеннюю траву. Пускаться на убой вслед за этими вислоусыми отморозками свое кварцянское войско гетман явно не собирался и теперь, кряхтя мозгами, обдумывал сложившуюся ситуацию.

В лоб, ту линию обороны, которую Михаил Скопин-Шуйский выстроил поперек дороги, от речки Красиловки до ближайшего лесного массива, было не взять. Своей полевой артиллерии у Жолкевского было маловато³ и, судя по тому, как

---

³ Дело в том, что польский Сейм привычно не выделял на кварцянское войско никаких дополнительных ассигнований, потому что эти деньги пришлось бы собирать с панства, которое ни в коем случае не собиралось их отдавать. А кого вы еще прикажете обкладывать налогами, жидов что ли? На этих где сядешь там и слезешь, сразу начнутся песни: «Ой, бедные мы, несчастные! Ой, горе нам горе!

мощно и дружно жахало с русских позиций, то продержаться польские пушкари против своих русских коллег должны были очень недолго.

На правом фланге польского войска, оборонительная позиция русских упирается в правый берег Красиловки. Сам берег на русской стороне высокий и обрывистый, дно и противоположный берег болотистые и топкие. Попытка обхода и атаки с того направления хоть конницей, хоть спешенными запорожцами, обещала всего лишь малоприятное барахтанье в грязи без всякой надежды на успех, ибо москали, то есть мы, как раз, будем располагаться на господствующей позиции высокого и крутого речного берега. Лесной массив, расположенный на другом фланге, обещал гораздо больше возможностей, хотя атаковать отличной польской конницей было невозможно и с того направления. Конечно, среди деревьев русские пушки не смогут так смертоносно плеваться картечью, но и польская гусария в лесном массиве, не имея возможности сомкнуть ряды и атаковать на полном скаку, тоже перестанет быть самой грозной в этом мире ударной

Ой, последний грошик у голодных детишек отбирают королевские мытари!» И ведь посмотришь, с виду, гол как сокол, кафтан дырявый, штаны протерты, глаза слезятся, рука у самого протянута как на паперти. Дай! А морда просит хорошего панского пинка, ибо всем известно, что у этого «несчастливого и бедного» полководства в долгах, а в подвале дома, один к одному стоят сундуки битком набитые золотыми монетами. Одним словом, польское королевство вечно без денег. Деньги есть у панов и жидов, но они не дают и поэтому зачастую командующие польско-литовскими армиями, такие как пан Жолкевский и пан Сапега были вынуждены выплачивать жалование войску из своего кармана.

силой.

Итак, когда пороховой дым полностью рассеялся, то стало видно, что гетман Жолкевский перестраивает свои войска. Часть украинских козаков еще не бывших в бою, примерно так тысяч пять, спешилась, и, оставив лошадей коноводам, беспорядочной толпой попилила к лесному массиву на нашем правом фланге. Намерения их были так прозрачны и очевидны, что батарея двенадцатифунтовок (четыре орудия), единственная способная достать чубатых на пределе дальности, по приказу Петра Басманова несколько раз бухнула по ним осколочными гранатами, внося в ряды запорожцев дополнительную толику хаоса, а также свою долю раненых и убитых. Обстрел продолжался ровно до тех пор, пока рванувшие бегом запорожцы не заскочили в лес, а коноводы не отвели лошадей подальше от угрозы.

Ни в центре, где группировалась основная часть крылатого⁴ кварцяного войска, ни на левом фланге, где пара ты-

---

⁴ **Историческая справка:** Гусария, или крылатые гусары (польск. husaria) – элитная кавалерия Королевства Польского и Речи Посполитой, действовавшая на полях сражений с начала XVI века до середины XVIII века. Гусария специализировалась на «проламывании» боевых порядков вражеской конницы или пехоты концентрированным копейным кавалерийским ударом. Гусария была создана на рубеже XV – XVI веков и представляла собой отряды тяжёлой кавалерии со специфической тактикой, вооружением, комплектованием и имела легко узнаваемые отличительные атрибуты – крылья (крепились различными способами за спиной всадника), очень длинные пики с прапорцами и звериные шкуры. Гусария многие десятилетия была основной ударной силой войск Речи Посполитой, в отличие от обычных гусар, которые были лёгкой кавалерией и вспомогательными подразделениями. Гусария была подразделением народного автора-

сяч запорожцев также двинулись в обход, скорее всего для демонстрации атаки на наш левый фланг, наша артиллерия была не в состоянии достать позиции противника. Дело было в том, что поляки выстроили свое войско прямо перпендикулярно дороге, а Михаил Скопин-Шуйский построил свои укрепления по кратчайшему расстоянию между лесным массивом и речным берегом, то есть под углом примерно в тридцать градусов к польской линии. Намерения Жолкевского были очевидны. Когда запорожцы насыдут нам на фланги и отвлекут на себя основное внимание, ударить гусарией в лоб по ослабленной оборонительной линии, ибо артиллерия и часть нашей пехоты окажутся оттянутыми для действий на флангах.

При этом наиболее опасным было движение большой группы спешенных запорожцев, пытающихся лесом обойти наш правый фланг. Конечно, ни Скопин-Шуйский, ни Басманов не были настолько наивны как полководцы, что предполагали лес вообще непроходимым для противника, поэтому там были устроены засеки, позиции на которых частью занимали местные ополченцы-лесовики, а частью москов-

---

мента – наёмного войска польской военной традиции. Наиболее многочисленной и боеспособной частью польско-литовского войска была кавалерия, в которой гусария составляла бо́льшую часть. Остальные рода войск играли в те времена в польско-литовских войсках вспомогательную роль, взаимодействие пехоты и артиллерии с кавалерией было налажено плохо. Поэтому кавалерия и самая её боеспособная часть гусария являлись основной военной силой Речи Посполитой. Длительное время гусария не имела себе равных в Европе, и её атаки не раз приносили победу Королевству Польскому и Великому княжеству Литовскому.

ские стрельцы. За их спинами, во втором эшелоне на опушке леса стояли два моих уланских полка, общей численностью в полторы тысячи сабель, воительницы которого, как вы помните, помимо уланской кавалерийской, имели пехотную егерскую подготовку и были вооружены супермосинами, а также прочим стрелковым оружием с контейнеровоза. Запорожцы опытные головорезы, но они никогда еще не были в деле против бойцовых лилиток, превосходящих их физическими кондициями, вооружением и имеющих боевой опыт в нескольких войнах на уничтожение.

Я обернулся к Скопину-Шуйскому и произнес, указывая в направлении угрозы.

– Этих, (вымарано цензурой) мои девочки берут на себя.

– Хорошо, Артанский князь, – кивнул в ответ Михаил, поднимая к глазам бинокль, – пусть будет так как ты сказал.

Для того чтобы отдать команду мне не потребовалось ничего кроме мысленного усилия. И лилитки и их командиры, а на полках у меня тоже ходили бывшие курсанты, услышали меня сразу и повиновались безукоризненно. Спешившись по моему приказу, уланы построились в боевой порядок и через специально оставленные проходы в засеке двинулись навстречу злобному врагу. Обычный строй в лесу ломается между деревьями, бойцы теряют из виду командиров и своих товарищей, начинают чувствовать себя крайне неуверенно, ожидая, что враг может выскочить или выстрелить из-под каждого куста. Но атакующие егеря это совсем другое дело.

Лес это их родной дом, в котором они чувствуют себя как рыба в воде их движение в нем стремительно и неудержимо. Они просачиваются между деревьями бесшумные как призраки, под их ногой не хрустнет ни одна веточка, и вот они прошли и снова в лесу никого и ничего. Представляю, какими взглядами провожали моих воительниц сидящие на засеках стрельцы и ополченцы. Недаром же наставницами наших воительниц в искусстве лесной войны были не только бывшие егеря-курсанты майора Половцева, но и дикие лесные лилитки проклятого мира Содома, а это вообще такие оторвы, что запорожцы рядом с ними кажутся малыми детьми, особенно в лесу.

Вскоре с той стороны – куда они ушли, раздался частый перестук выстрелов из супермосиных, короткие пулеметные и автоматные очереди, а также крики боли, ярости и страха. Орали в основном чубатые любители сала, поскольку бойцовые лилитки сражаются и умирают обычно молча. Я как всегда в таких случаях подхваченный общей волной сознанием был вместе со своими верными воительницами. Целился вместе с ними во врага из винтовок и пулеметов, наносил удары, уклонялся от ответных и вместе с ними чувствовал боль от полученных ран.

Потом стало понятно, что отмороженная запорожская вольница, несмотря на почти трехкратное численное превосходство и дикую свирепость, сгорает во встречном бою как солома на жарком огне. В то же время мои воительницы,

презрев раны и потери, переигрывают их по всем статьям, в силу чего держатся и побеждают. От этого, всех нас и меня и моих воительниц, охватила пьянящая радость близкой победы. В самом конце разгромленный враг побежал, а лилитки, которые были значительно быстрее, догоняли бегущих хохлов и без всякой пощады убивали ударами в спину. Кого в тот момент они видели в этих чубатых насильниках и убийцах, быть может Волкодавов, а быть может и Псов, только вот факт – далеко не с каждым врагом они бывают так беспощадны.

Гетман Жолкевский несомненно понял что там в лесу с его спешенными запорожцами случилось что-то нехорошее, мне показалось, что он колеблется, не начинать ли ему отступление, потому что надежда на победу уже исчезла, а риск поражения все время растет, или все же попробовать каким-то образом выкрутиться. Но тут мои уланши, догрызшие наконец запорожскую банду, развернулись вдоль лесной опушки и открыли редкую но очень меткую стрельбу в направлении левого фланга гусарии Жолкевского. Расстояние там было около километра. По одиночной мишени на такой дистанции стрелять рекомендуется только из дальнобойных крупнокалиберных снайперских винтовок, но тут цель была групповая и очень плотная, а огонь по противнику вели прирожденные воительницы, чьи способности были доведены до оптимума. Пусть убитых у поляков от такого огня было не очень много, но гусария заволновалась и начала мешать ря-

ды. Первый акт спектакля был отыгран с большим перевесом в нашу пользу.

Атаковать, опушку леса тяжелой кавалерией только для того, чтобы выбить оттуда укрепивших вражеских егерей был бы в его положении полным идиотизмом и гетман Жолкевский просто приказал своим гусарам отойти на противоположный фланг. Видимо он еще надеялся, что вторая группа запорожцев, направленная для диверсии против нашего левого фланга, еще сможет хоть как то изменить ситуацию. Пора было кончать с этим геморроем и Петр Басманов сел на коня. По общей диспозиции он как заместитель Скопина-Шуйского возглавлял находящуюся сейчас в резерве поместную конницу, состоявшую из тех трех тысяч всадников, что вышли с войском из Москвы и двух тысяч присоединившихся местных дворян. Теперь пришло и их время, сказать свое слово, потому что именно поместную конницу будущий царь направил на левый фланг за речку Красилровку, разобраться с посланными нам во фланг запорожскими казаками.

Речку поместная конница форсировала колоннами в нескольких с шумом топотом и брызгами, будто скача как Христос, прямо по поверхности воды, что произвело на наблюдающих за этих хохлов определенный фурор. Но никакого колдовства или вмешательства божественных сил в этом не было, а были потайные мостки, построенные так, что они находились сантиметров на десять ниже уровня воды. Петр

Басманов, в полной рейтарской экипировке, под развевающимся знаменем лично возглавивший атаку в эти минуты был очень хорош. Не зря мы спасали его от его же собственной дури. Не дожидаясь пока по ним ударят воодушевленные успехами этого сотни поместной конницы, запорожцы развернули коней и начали утекать, причем не на соединение с основными силами Жолкевского, а куда-то на юг, к переправам через Десну. Сам Жолкевский, тоже видимо поняв, что сегодня у него не срослось и надо отступать, пока цело хотя бы ядро кварцяного войска. Пехота со своими острожками и артиллерией за отступающими поляками вдогон явно не побегит. А хохлов он под свои знамена еще наберет, хоть двадцать тысяч, хоть пятьдесят. Желающих повоевать кого угодно там всегда в избытке.

Нас такой вариант по понятным соображениям не устраивал, по итогам этой битвы поляки должны были отстать от Русского царства как минимум на полгода, а не заявляться с повторным визитом через месяц-другой. Поэтому зверя требовалось добить и для этого, кроме пехоты, в резерве на левом фланге у нас еще было полторы тысячи уланш. Командовавший дивизией полковник Зиганшин (по старой службе капитан), сел на коня, горнистка из волчиц протрубила сигнал атаки и через узкий проход между речкой и малозаметными заграждениями наша легкая кавалерия под распущенными священными красными знаменами поэскадронно рысью выступила на бой кровавый, святой и правый. Начался

самый последний и решающий акт битвы при Березне.

Гусария, заметив, что ее атакует противник меньший в числе и хуже экипированный⁵... без команды своего гетмана развернула коней навстречу новой угрозе, рассчитывая хоть отчасти поквитаться за все унижения сегодняшнего дня. Быстрой рысью разворачивались для атаки роты, избоченясь сидели на конях гусары, блестели начищенные до зеркального состояния шлемы, панцири и нагрудники, трепетали за спинами белые, черные, цветастые лебединые крылья, развевались на поднятых вверх пиках значки гусарских рот. Цвет и краса королевского войска. Прах и пепел, ужас и страх. Следом за гусарами в атаку как бы нехотя, будто предчувствуя беду, отправились и панцирные козаки. Гетману Жолкевскому, застывшему вместе с самыми ближайшими соратниками посреди небольшого пригорка, оставалось только сжимать кулаки и искусно материться по-польски и на латыни. Не зря же пан Ян Бучинский говорил о том, что с Серегиным ухо надо держать востро. Эта атака странных кавалеристов, одетых в форму пожухлой травы таила в себе пока непонятную угрозу. Ведь не на смерть же они отправились видя перед собой численно превосходящего, покрытого ореолом непобедимости и оваянного славой врага.

Нехорошие предчувствия гетмана Жолкевского оправда-

---

⁵ Экипировка от Климa Сeрвия, также как и бронeжилeты из нашего мира, и зашитное снаряжeниe со штурмоносца нe блeстит мeтaллoм нa стрaх врaгaм и для мeстных выглядит тaк жe, кaк и нaбитые конским волосом стeгaнные тeги-ляи. Нe все, кaк гoворится, зoлoтo, тo, чтo блeстит.

лись очень быстро. Неожиданно, уланские эскадроны, развернувшиеся в линию за рубежом малозаметных заграждений, начали останавливаться, спешиваться и, уложив на землю лошадей, занимать за ними как за брустверами позиции в стрелковой цепи. И лишь только знаменосцы со своими знаменами, одним дивизионным и двумя полковыми остались стоять на поле как памятники героизму. Польская гусария была от стрелковой цепи уже в сотне метров и поднимала своих лошадей в галоп, хотя панам было решительно непонятно, как атаковать лежащих на земле людей.

Но вот, раздалась команда и по плотному строю почти в упор резанули полуоболочечными пулями сто двадцать единых пулеметов Мосина-Калашникова, а также все прочее стрелковое вооружение от супермосиных, до пистолетов-пулеметов. Примерно с минуту или около того, над полем боя господствовали треск коротких и длинных очередей, частый перестук винтовочных выстрелов и отчаянный предсмертный вой людей, и ржание лошадей, громоздящихся друг на друга валом мертвых тел. Первые ряды, в которых были собственно гусары-товарищи со своими ротмистрами, полегли почти мгновенно. Досталось свинцового града и следующим за ними пахоликам-оруженосцам, которые стали разворачивать коней, надеясь хотя бы спастись бегством но и этого им было не суждено сделать. Полковник Зиганшин понял, что дело сделано, прозвучала еще одна команда, поданная горнисткой, и, прекратив стрельбу, уланши начали поднимать

коней на ноги и садиться в седла. А дальше сабли наголо и в атаку марш-марш. Рубка бегущих, пусть даже эти бегущие спасаются бегством верхами, любимое занятие кавалерии всех времен и народов.

Пока на левом фланге происходили все эти события, на правом фланге коноводы подали лошадей эскадронам занявшим позицию на опушке леса. Поняв, что дело проиграно полностью и окончательно, польный гетман коронный пан Жолкевский развернул коня и вместе с малой свитой покинул место сражения. Битва при Березне была выиграна нами полностью и бесповоротно. Теперь пройдет немало времени, пока король Сигизмунд сумеет восстановить ядро своей регулярной армии, а значит, до этого времени ничего кроме бандитских набегов на порубежные земли нам ждать не стоит.

Мы бы выиграли это сражение и без применения огнестрельного оружия из верхних миров и участия моих лили-ток, но тогда армия Скопина-Шуйского понесла бы серьезные потери. А нам этого не надо, ибо эти обученные нами полки должны стать Гвардией новой русской регулярной армией и источником инструкторского и командного состава для ее будущих частей и соединений.

* * *

23 сентября 1605 год Р. Х., день сто девятый, Утро.

Ливония, лагерь шведской армии осаждающей Ригу

Серегин Сергей Сергеевич, Великий князь Артанский

Как говорят в таких случаях – «враг твоего врага есть твой друг». Врагом польского короля Сигизмунда, раззявившего пасть на русскую державу, являлся шведский король Карл IX, в недавнем прошлом герцог Седерманландский, попятивший душку Сигизмунда со шведского престола, который тот получил в наследство от своего отца, короля Юхана III. История сия весьма запутана и может быть изложена только в общих чертах. Так уж получилось, что этот самый Сигизмунд, по мужской линии происходящий из шведской династии Ваза, а по женской – из польской династии Ягеллонов, первоначально ставил целью объединить под своей властью сразу две короны, но в Швеции к тому моменту уже преобладал протестантизм, а Сигизмунд был воспитан иезуитами как фанатичный католик, и потому вознамерился полностью извести протестантов и православных в подвластных ему землях.

В результате Швеция такого короля выплюнула, избрав вместо него его дядю Карла, герцога Сёдерманландского, ставшего королем Карлом IX, который придерживался протестантского исповедания – того же, что и большинство его подданных. Но получилось так, что из Швеции Сигизмунда поперли, а вот в Шведской Ливонии, включавшей в себя северную часть современной Латвии и южную часть Эстонии,

его власть сохранилась. Более того, вступая на польский престол, Сигизмунд пообещал панству присоединить прибалтийские провинции Ливонию и Эстляндию к Речи Посполитой, и невыполнение этого обещания стоило ему уменьшения королевских прав. Именно это стало причиной войны между Речью Посполитой, население которой составляло десять миллионов человек, и Швецией, население которой было всего один миллион.

Но Швеция была значительно более централизованным государством, чем Польша; король Карл IX обладал всеми полномочиями абсолютного монарха и, в отличие от Сигизмунда, ограниченного Сеймом, мог в полном объеме пользоваться ресурсами своего государства. Именно поэтому маленькая Швеция почти на равных пять лет воевала за Ливонию и Эстляндию с огромной Речью Посполитой. Дополнительным плюсом для шведов в этой войне было то, что население Ливонии и Эстляндии также исповедовало протестантизм, воспринимая в этом свете шведов как «своих», а поляков и литовцев как «чужих». В итоге и Ливония, и Эстляндия до самой Северной войны все же оставались за Швецией. Но, видимо, размер все-таки имеет значение, и шведскому королевству эти войны с Польшей и Литвой стоили истощения всех своих сил, и союзники ему были нужны как воздух. Да и нам было бы желательно, чтобы литовское войско Великого гетмана Литовского Ходкевича на севере потерпело бы не менее катастрофическое поражение, чем польское

кварцянское войско гетмана Жолкевского на юге.

В нашей истории союз со шведским королем заключил боярский царь Василий Шуйский, за помощь против поляков подаривший шведам Водскую Пятину (Ингрию) и Карелию. Но мы с Михаилом Скопиным-Шуйским ничего и никому дарить не собирались; напротив, подумывали, чего бы такого попросить у шведского короля для Русского государства за помощь в борьбе против поляков. Шведы сейчас предпринимают очередную попытку завоевания Ливонии, ради чего наскребли одиннадцать пушек, две с половиной тысячи кавалеристов и одиннадцать тысяч пехоты, из которых восемь с половиной тысяч составляют копейщики и две с половиной – мушкетеры. Сейчас все эти силы в очередной раз безуспешно осаждают крепости Риги и Динамюнде. У находящегося в Дерпте Ходкевича силы гораздо скромнее – всего пять пушек, те же две с половиной тысячи кавалеристов и тысяча триста пехотинцев.

И несмотря на это, в нашей истории шведы грядущую битву проиграли, наверное, потому что у Ходкевича мозг все-таки есть, а у Карла и его генералов с серым веществом не густо. Или дело тут не в генералах, которые были против предложенной диспозиции, а в самодурстве самого Карла? Этого я пока не знаю, а знаю только то, что в случае своей победы, как и в нашей истории, король Сигизмунд сможет перенацелить литовскую армию на русское направление – а вот это нам было необходимо предотвратить! Пора возводить Ско-

пина-Шуйского на трон, женить его на Ксении и, покончив со смутой, идти дальше на следующие уровни Мироздания, приближающие нас к тому единственному и неповторимому миру, который и является нашей Родиной.

Прибыли мы с Михаилом к шведскому лагерю пасмурным осенним утром со всей положенной помпой – то есть на штурмоносце, в сопровождении двух взводов первопризывных амазонок, тех самых, с которыми мы ходили на херра Тойфеля. Посадка, на глазах изумленной шведско-немецкой публики была совершена метрах в пятистах от ограды шведского лагеря, напротив главных ворот. Так как два месяца (или около того) назад моя супруга, родив, вернулась в строй, мы, забросив использование порталов, начали интенсивно использовать штурмоносец в качестве разъездного средства, беспощадно гоняя его по различным надобностям.

С магией в этом мире по-прежнему не очень, и дух нового Бахчисарайского фонтана до сих пор не накачал ее уровень до приемлемых значений. Единственная наглядная польза от его присутствия заключается в том, что теперь воду из этого источника можно пить, не испытывая содрогания от ее отвратительного вкуса. Одним словом, слухок о летающей металлической крепости, на которой передвигается господин тридевятого царства тридесятого государства великий князь Артанский, дошел и до шведского короля, как и информация о том, что с этим человеком (то есть со мной) лучше не ссориться. В порошок сотру!

Поэтому, когда штурмоносец, зависнув над самой землей, открыл десантный люк, в шведском лагере звонко проиграла труба, и у главных ворот начала расти толпа людей, в которых сразу можно было опознать начальство, большое и не очень. Прочая же публика повылезла на ограждающий лагерь утыканный кольями земляной вал и наблюдала за разворачивающимся спектаклем оттуда. Тем временем амазонки, полностью экипированные в защитные комплекты из мира Елизаветы Дмитриевны, выводили из люка своих коней и ловко вскакивали в седла. По части умения управлять своим скакуном в этом мире им не было равных. Ни шведские рейтары, ни польские гусары, ни крымские татары не понимали и не чувствовали лошадь так, как эти рожденные для войны юные девушки. Последними из десантного люка появились мы с Михаилом – только для того, чтобы сесть в седла подведенных нам массивных дестриэ, и после этого вся наша кавалькада неспешным шагом направилась к гостеприимно распахнутым воротам шведского лагеря.

Король Карл сам встречал нас чуть поодаль от ворот, в конце шеренги одетых в черное королевских гвардейцев, изображающих из себя что-то вроде почетного караула. Шведский монарх оказался рыжеватым и коренастым человеком с длинными усами-пиками и короткой «испанской» бородкой на массивном подбородке. Рядом с ним стоял похожий на него мальчик десяти-двенадцати лет от роду, такой же рыжеватый и коренастый, но, разумеется, без бородки и

усов. Тут и к гадалке не ходи, что это был старший из сыновей короля, Густав – отец с молодых ногтей готовил его к королевскому ремеслу, беря с собой и на совещания с советниками, на заседания парламента-риксдага и в военные походы. Кстати, эти королевские советники одновременно были и учителями-воспитателями юного принца.

Приблизившись к строю королевских гвардейцев, мы с Михаилом спешили и из уважения к королю и его сыну пошли дальше уже на своих двоих. При нашем приближении Карл упер левую руку в бок рядом с эфесом шпаги, а правой приподнял над головой высокую черную шляпу, тем самым обнажив массивную «ленинскую» лысину.

– Артанский князь Серегин, колдун и полководец, насколько я понимаю, – скрипучим простуженным голосом произнес он, – скажите, какие дела привели вас в наши края и зачем вам понадобился шведский король, у которого и без того хватает забот?

– Да, – ответил я, – именно так. Только, с Вашего позволения, звание колдуна мне не совсем подходит, потому что я не занимаюсь колдовством, не варю зелья из лягушек и земляных червей, а всего лишь являюсь проводником воли Создателя в тех случаях, когда для этого требуется военная сила.

– Тогда вы, сударь мой, должны быть самым архангелом Михаилом... – с насмешкой произнес один из молодых вельмож, стоявших за спиной принца. Потом я узнал, что это был Юхан Шютте, учитель и воспитатель кронпринца Густа-

ва, привыкший недостаток политического веса восполнять долей здоровой наглости.

Вместо ответа я наполовину выдвинул из ножен свой меч, показав этому наглецу сияющее жемчужным светом лезвие.

– Архангел Михаил, – произнес я после некоторой паузы, – находится на небесах возле господнего престола, а я, исполняя волю Отца, хожу по грешной земле среди обычных людей. В данный момент Его воля заключается в том, чтобы русское государство не только продолжило свое существование в прежнем виде, но еще было дополнительно усилено. Это вам понятно?

– Да, гере Серегин, понятно, – примиряющим жестом поднял руку шведский король, – должен сказать, что наш молодой друг не хотел сказать вам ничего обидного, и поэтому я прошу вас его извинить. Кстати, вы так и не сказали, какие дела привели вас в мой лагерь? Надеюсь, вы не собираетесь объявить нам войну от имени русских?

– Я не обижаюсь на этого молодого человека, – ответил я, – вы же, ваше величество тоже не станете обижаться, если вас облаяла собака. Что касается дел, то я действительно хочу кое-что предложить вам от имени России – но только не войну, а союз против Польско-литовского короля Сигизмунда. Совсем недавно мы разбили армию гетмана Жолкевского под Черниговом, и теперь предлагаем вам помощь для того, чтобы проделать то же самое с армией литовского гетмана Ходкевича.

Шведский король внимательно осмотрел меня с ног до головы.

– Вы можете видеть будущее и считаете, что без вашей помощи мы обязательно проиграем? – с некоторой долей скепсиса спросил он, – но ведь военное счастье переменчиво, и сегодня из двух противников побеждает один, а завтра другой...

– Никакого польского военного счастья в вашем грядущем поражении нет, – ответил я, – а есть только четкие взвешенные действия Ходкевича и ваши импульсивные необдуманные ответы на них. Если будете действовать как обычно, то обязательно проиграете, а если примете нашу помощь, то выиграете, и более того, надолго заставите поляков перестать претендовать на ваши территории...

– Так, – сказал Карл, оглянувшись по сторонам, – вообще-то гере Серегин, такие разговоры положено вести не в присутствии широкой публики, так что попрошу вас и вашего спутника пройти в мой шатер.

* * *

Через десять минут спустя в шатре шведского короля

Серегин Сергей Сергеевич, Великий князь Артанский

В королевском шатре мы оказались только вчетвером:

король Карл, кронпринц Густав-Адольф, я и Михаил Скопин-Шуйский.

– Кстати, гере Серегин, – сказал Карл, обернувшись в мою сторону, – вы не представите мне своего спутника?

– Разумеется, представлю, – ответил я, – это главнокомандующий русской армией князь Михаил Скопин-Шуйский, самый ближайший из родственников пресекшийся недавно царской династии.

– Мы слышали, что там недавно объявился давно умерший сын старого царя Ивана Ужасного... Это правда? – спросил король.

– Нет, – покачал я головой, – это был не воскресший принц, а обманщик-самозванец. Совсем недавно он покался в своих грехах перед всем честным народом на Красной площади, после чего удалился в пожизненное изгнание. Одним, словом его теперь не найдет никто и никогда. Стоящий перед вами князь Михаил – ближайший по старшинству родственник вымершей династии и самый вероятный кандидат на занятие пустующего престола.

– А как же царевич Теодор, который занимал престол до принца-самозванца? – поинтересовался Карл с отсутствующим видом. – Почему он не вернулся на место своего отца, или эти дикие русские его убили? Если так, то очень жаль, очень способный был юноша.

Да этот рыжий хмырь язвит. Немудрено, ведь десять лет назад трудами царя Бориса по Тявзинскому договору Шве-

ция потеряла все, что откусила от России в ходе злосчастной Ливонской войны, и теперь Карлу остается только кусать локти. С другой стороны, несмотря на все прибаамбасы вроде штурмоносца, он воспринимает меня как удачливого командира наемников, который решил попробовать себя в амплуа «делателя королей», возведя на российский трон своего претендента. Нахал, Карл, нахал! Ведь если я рассержусь, то от шведской армии и самой Швеции не останется даже мокрого места. Хотя сама Швеция, скорее всего, тут не виновата. Маленькая страна с трудолюбивым народом, знаменитая своим кустарным производством железа, и тем, что несколько раз вела затяжные войны с мощными коалициями, из которых она выходила до крайности изнуренной. Да и я сердиться пока не собираюсь. Сперва отвечу этому Карлу с некоторой язвинкой, а там посмотрим.

– Это действительно способный юноша, – ответил я, – настолько способный, что на московском троне он бы только зря терял свое время. Вместо того он передал трон жениху своей сестры, вот этому достойному господину, по которому девушка изнывает просто неземной любовью, а сам записался ко мне в ученики.

Шведский король, пожевав губами, оглядел моего спутника с ног до головы, а потом кивнул головой. Мол, в такого красавчика влюбится любая принцесса, особенно если она немного нехороша собой и уже выходит из возраста невест, входя в возраст старых дев. История, известная

всем европейским государям, потому что совсем недавно в женихах Ксении побывали незаконнорожденный шведский принц Густав, племянник этого самого Карла, и соседский для Швеции принц датский Иоанн, затем трое принцев из выводка Габсбургов, и в самом конце, перед самой Смутой, еще два датских принца. Естественно, Карл думает, что если при таком количестве женихов девушка все равно осталась на бобах, то, значит, в ней есть какой-то изъян. Ха, видел бы ты, старый хрыч, в какую милую красотку совместными усилиями превратили ее Лилия и Зул – сам бы в первых рядах прибежал к ней жениться. Невеста у нас – первый сорт, пальчики оближешь, и влюблена в своего Мишу как кошка.

Но у нашего жениха помимо примечательной и симпатичной внешности есть и еще дополнительные достоинства в виде полководческого таланта, но вам, шведам, знать об этом пока не надо, а то, может быть, вам еще придется отведать по своим бокам крепкой русской палкой. Вот только погодите, Русь немного окрепнет и перед ней встанет вопрос о полноценном выходе на Балтику. Конечно, в устье Невы можно будет заново основать Санкт-Петербург, но Рига в этом смысле мне нравится гораздо больше. Но сейчас разговор не об этом, сейчас мы окорачиваем не Швецию, а Речь Посполитую, а там уже будет видно.

В принципе, для начального развития хватает и того, что есть (границы Русского царства в Прибалтике примерно совпадают с границами современной нам Российской Федера-

ции), но вот что надо поправить – так это монополию Швеции на торговые отношения с Россией. По нынешним межгосударственным договорам эта самая торговля может осуществляться только через Ревель и Нарву, и торг могут вести только шведские купцы. Вот отмена этого правила и будет нашей ценой за помощь шведскому королю в отражении польско-литовской агрессии.

– Значит так, ваше величество, – сказал я, – в Дерпте, совсем неподалеку отсюда, стоит литовское войско гетмана Ходкевича. В основном это конница, причем на данный момент самая лучшая конница в мире – польско-литовская панцирная гусария. Также в составе войска имеется некоторое количество наемных рейтар и неплохая очень подвижная легкая конница из числа запорожцев и крымских татар. Ваша, простите, конница по экипировке, вооружению и качеству обучения даже рядом не стояла ни с гусарией, ни с литовской легкой кавалерией. Вообще, мало кто может выдержать лобовое столкновение с гусарскими ротами и после этого остаться в живых и рассказывать, как это было. Легкая кавалерия тоже не подарок, но вот гусары – это чистая смерть. Остановить их смогут только хорошо обученные копейщики, малозаметные заграждения вроде разбросанных ежей и растянутых цепей, и залпы картечью в упор. При этом ваших одиннадцати пушек будет недостаточно – когда мы останавливали атаку польской кавалерии в битве при Березне, то использовали против нее восемьдесят четыре пушки, которые

в крайне короткое время сделали по четыре-пять залпов.

– Это невозможно! – воскликнул Карл IX, – даже самые лучшие шведские пушки не могут сделать во время кавалерийской атаки больше одного залпа.

– Мои могут, – ответил я, – три залпа в лоб и два залпа по удирающим вдогонку. Только пушки у меня не совсем обычные, а заряжаемые с казны, и снаряды с зарядами к ним заранее упакованы в единые картузы, и пушки обучены стрельбе на скорость.

– Кхм, – смущенно произнес король, – такие заряжающиеся с казны пушки известны давно, но они стреляют даже несколько медленнее обычных, заряжающихся с дула. А те пушки, которые стреляют достаточно быстро, уже после третьего выстрела становится невозможно зарядить из-за скопившегося в казенной части порохового нагара, очистка которого отнимает у пушкарей слишком много времени.

– Мои орудия лишены этого недостатка, – ответил я, – и вполне способны дать пять выстрелов подряд. К тому же они обладают небольшим весом, и расчет из четырех солдат может свободно катать их по полю.

– Я вам не верю, гере Серегин, – заявил Карл, – конечно, про вас говорят много разного, и ваша летающая крепость достойна удивления, но я весьма хорошо разбираюсь в артиллерии, и видел множество разных пушек, чтобы вот так, без всяких доказательств, поверить в ваши слова.

– Какие доказательства вас устроят? – спросил я.

– Только сама заряжающаяся с казны пушка, – азартно выкрикнул король, – расчет которой сумеет сделать пять выстрелов, пока всадник поскачет пятьсот шагов.

– Да не вопрос, – ответил я, ехидно улыбаясь, – если хотите, то демонстрацию моей артиллерии в действии мы можем устроить прямо сейчас. Одна такая пушка, вместе с расчетом и зарядным ящиком, разумеется, совершенно случайно у меня оказалась при себе. Не мог же я предположить, что вы поверите на слово пришельцу Бог весть откуда, да еще и колдуну. Только вот найдутся ли в вашей армии смертники, которые будут под градом картечи изображать атакующую вражескую кавалерию. Я бы для этой цели использовал вашего слишком языкастого советника. Если у человека язык работает впереди мозгов, то его советы не доведут до добра.

– Да, – сказал король, – а вам пальца в рот не клади. На все вопросы у вас готов ответ. Я уже склоняюсь к тому, чтобы согласиться на ваше предложение, но сперва давайте посмотрим на стрельбу из вашей чудо-пушки.

* * *

Сорок минут спустя на поляне за лагерем, где опустился штурмоносец

Серегин Сергей Сергеевич, Великий князь Артанский

И посмотрели. Я дал команду – и под взглядами швед-

ского короля и множества собравшихся зевак расчет четырехфунтовки (лучший в русском воинстве) резво выкатил свою пушку по пандусу из трюма и установил в позицию для стрельбы в сторону Западной Двины, чтоб никого не задело ненароком. Потом точно так же к огневой позиции был доставлен зарядный ящик, из которого заряжающий извлек продолговатый сверток из пропитанного селитрой и провощеного холста, который включал в себя пороховой заряд, разделительный деревянный башмак и мешочек с картечью. Замковый дернул рычаг, и клин-затвор опустился, открыв зарядную камору и канал ствола с маленьким светлым кружком. Заряжающий уложил туда сверток с выстрелом, который сразу же бы дослан в зарядную камору досыльником. Замковый закрыл затвор, через специальное запальное отверстие проколол картуз своим стилетом, после чего вставил в него запальную трубку трехсекундного замедления. Одновременно за нашими спинами несколько шведских всадников заняли стартовые позиции для скачки на пятьсот шагов.

Раз два, три – король махнул своей шляпой, всадники поскакали, и моя пушка жახнула первым выстрелом; вода на реке пошла рябью всплесков и крапин от шарахнувшей картечи. Дальше все было почти как на том поле боя. Замковый открыл затвор и солдат с банником быстро прошелся по зарядной каморе, убирая нагар и тлеющие остатки картуза, потом зарядание повторилось, как и в первый раз. Второй выстрел, третий, четвертый... Пятый прогремел тогда, когда

шведские кавалеристы проскакали только чуть больше половины дистанции. Король сразу мог бы догадаться, почему у всех членов расчета на руках кожаные рукавицы. После последнего выстрела без них к раскаленной пушке прикоснуться было невозможно. Вот тут ее принялись банить и спереди и сзади, обливать уксусом для охлаждения и обтирать сверху ветошью. Но свою задачу она выполнила, пять выстрелов картечью сделала, а это значит, что даже использование исключительно четырехфунтовок⁶ способно остановить атаку гусарии Ходкевича, нанеся ей невосполнимые потери.

Карл IX тоже понял, что ему предлагают шанс выиграть войну относительно малой кровью (со своей стороны) и тоже согласился. Правда, его пришлось долго убеждать по поводу наших условий торговли, но и это препятствие было преодолено, потому что советники вспомнили, что у москвитов нет и не было флота. Наивные. Если будет надо, Михаил Скопин-Шуйский справится с задачей флотского строительства ничуть не хуже, чем царь Петр Великий сто лет спустя.

* * *

**23 сентября 1605 год Р. Х., день сто девятый, Вечер.
Ливония, лагерь шведской армии осаждающей Ригу**

---

⁶ Не зная, что взбредет в голову Карлу на поле боя, Серегин решил взять с собой только самые легкие пушки, расчеты которых своими силами, без лошадей, могли поддерживать пехотные каре огнем и колесами.

Серегин Сергей Сергеевич, Великий князь Артанский

Первым, и, возможно, самым важным изменением в локальной истории этой польско-шведской войны стало то, что Рига пала в руки шведского короля как бы между делом. Закончив испытание пушки, мы с Карлом и Михаилом снова уединились в шатре для составления краткосрочного союзного договора, где с одной стороны фигурировал я, Великий князь Артанский, владетель Крымский, союзник Русского царства, иначе именуемого еще Московией, а с другой он, Карл IX, король шведов, готов и вандалов. Слово за слово – и в процессе обсуждения тех изменений, которые согласно этому документу следует внести в торговые статьи Тявзинского договора, Карл начал плакаться мне в жилетку. Он говорил, что такие изменения, способные поколебать основы экономических отношений между нашими странами, никак не можно сделать, что риксдаг⁷ и риксрод⁸ не пропустят та-

---

⁷ **Историческая справка:** риксдаг – однопалатный всесословный парламент Швеции, существующий с 1435 года в функции которого входили: одобрение законов, принятие решений о заключении союзов с иностранными державами, объявление войны и др.

⁸ **Историческая справка:** риксрод – правительственный совет – высший коллегияльный орган государственного управления и суда. В его состав входили видные чиновники-немцы, а также представители шведского дворянства. Его совет и одобрение (что зачастую было одним и тем же) обычно требовались при назначении членов риксрода и высших должностных лиц, таких как дротс и марск, при введении новых налогов, а также при решении вопросов внешней политики (война, мир, заключение договоров), раздаче ленов и т.д. Члены риксрода долж-

кого соглашения, потому что помощи во всего одном сражении для них совершенно недостаточно. Вот если бы мы помогли шведам взять Ригу, население которой ждет не дождется шведских освободителей – тогда совсем другое дело. Вымогатель хренов, стопроцентный европеец.

Хотя, в принципе, Рига – это не вопрос. Надо только внести этот пункт в договор и предупредить, что при его нарушении штрафные санкции будут иметь летальный характер как для самого короля, так и для всех этих риксдагов и риксродов, члены которых тоже смертны, и иногда неожиданно. Разумеется, Карл проглотил эту наживку вместе с крючком, ведь он не видал штурмоносца в деле и не подозревал, что он может сделать с занюханным средневековым городишкой. Короче, договор был подписан всеми тремя договаривающимися сторонами, скреплен печатями, после чего я вышел на связь со своей супругой и попросил ее сделать что-нибудь с этой Ригой, только не сносить ее до основания. Штурм-капитан она у меня или нет?

И Елизавета Дмитриевна не подвела. Одним залпом главного калибра она нахрен вынесла главные городские ворота, изрядно покоцав при этом саму воротную башню. Затем, подлетев поближе, она включила имеющиеся на штурмоносце излучатели инфразвука, что является стандартной процедурой перед десантированием на головы врага штурмовых

ны были постоянно находиться при короле и регулярно исполнять свои обязанности.

рот. В результате этого во всем городе завывали собаки, отчаянным мявом зашлись кошки, а солдаты гарнизона и горожане почувствовали непреодолимый позыв немедленно совершить дефекацию.

Даже здесь, в шведском лагере, чувствовалась потусторонняя жуть, заставляющая волосы вставать дыбом. Мы-то люди тренированные, и к тому же магически защищенные (в том числе и от таких атак), но вот на шведского короля, его сына, советников, а также солдат в осадном лагере, эта обработка произвела буквально незабываемое впечатление. Если Михаил при этом сумел сохранить невозмутимое выражение лица, то беднягу Карла и его сына Густав аж передернуло, после чего они стали немедленно креститься и бормотать молитвы.

Как я узнал позже, напуганные солдаты впали в молитвенный экстаз, шведы взывали к святой Бригитте, считавшейся покровительницей Швеции, немецкие и голландские наемники молились Святому Николаю и Деве Марии, прося, чтобы эти уважаемые святые оборонили их от ужасного колдовства. Знали бы они, что никакого колдовства или магии в данном случае не было, а были просто физические процессы, о которых эти люди пока не имеют никакого представления... Но переубеждать их это себе дороже.

Тот же шведский король, когда закончил креститься и возносить молитвы, спросил у меня с некоторым замиранием в голосе:

– Гере Серегин, не понимаю, зачем вам пушки и все прочее, и зачем вам союз с нами, со шведами, если у вас уже есть такая колдовская мощь?

В ответ я только пожал плечами и с некоторым пренебрежением произнес.

– Разве это мощь, ваше величество, тем более что во всем это нет ни капли колдовства? Более совершенные пушки, чем у вас, и нечто вроде тех труб, которыми Иисус Навин сокрушил стены Иерихона. И летает мой корабль не посредством колдовства и не промыслом божьим, а согласно законам физики. И вообще, настоящей моей мощи вы еще и не видели, и молитесь Господа о том, чтобы он позволил вам и вашим людям остаться о ней в неведении – ибо настолько сильно вы еще не согрешили. Что же касается пушек и всего прочего – то для каждой работы есть свой адекватный инструмент. В данном случае я собираюсь вам помочь, но не собираюсь делать за вас всю черновую работу. Битва с польско-литовским войском должна состояться, и выиграть вы ее должны почти обычным оружием. То, что наши пушки стреляют вчетверо чаще тех, что есть у вас, при этом уже не в счет. Вы должны будете победить Ходкевича не только за счет их картечных залпов, но и из-за того, что своевременно совершите свой маневр к полю битвы. Ходкевичу туда идти двое суток, а вам всего несколько часов, и выступите вы сразу же, как поляки выйдут из своего лагеря под Дерптом. Также вы победите за счет мужества шведских драгун и

рейтар, которые пойдут в бой на свежих, не уставших конях, а также стойкости немецких и голландских пикинеров, которые теперь обязательно выстоят под натиском польско-литовской кавалерии. А Ригу воспринимайте как мой подарок в честь заключения договора и как мое выполнение одного из его важнейших условий. И запомните – я всегда делаю то, что обещаю...

Короче, Карла я заговорил, убедил и успокоил, после чего мы выпили с ним по бокалу вина и расстались почти друзьями. Я отправился на штурмоносец, и на нем – уже обратно, в лагерь под Черниговом. Работы было море – и у меня и у моей жены. Артиллерийская группировка нуждалась в переброске, а ни один большой десантный шаттл с «Неумолимого» не был еще восстановлен до рабочего состояния и ни одна юная бойцовая лилитка, обучающаяся на пилота, не усовершенствовалась в летном мастерстве настолько, чтобы ей можно было доверить настоящую машину, тем более с живыми людьми на борту. Кстати, Елизавета Дмитриевна после завершения их обучения обещала взять всех этих юных пилотесс под свое личное покровительство. Как-никак, теперь все они коллеги.

А Рига сдалась Карлу в тот же вечер – взбунтовавшиеся солдаты, давно не получавшие жалования, убили своего полковника, который просил их подождать еще немного; и на радость рижским горожанам, жаждавшим шведского, а не польского подданства, выкинули перед армией Карла белый

флаг.

* * *

**27 сентября 1605 год Р. Х., день сто четырнадцатый,
Полдень. Ливония, 18 км от центра Риги вверх по те-
чению Западной Двины, поле боя при Кирхгольме
Серегин Сергей Сергеевич, Великий князь Артан-
ский**

Маленький городок Кирхгольм, расположенный неподалеку от Риги, нам, людям двадцатого и двадцать первого веков, известен под более звучным и зловещим наименованием Саласпилс. Впрочем, этот факт приведен тут просто для справки, и сам по себе он не оказывал никакого влияния на дальнейшие события. Далекие предки ничуть не виновны в делах своих потомков, тем более что всякие там латыши и эстонцы в те времена были всего лишь неотесанной деревенщиной, холопами своих немецких, датских и шведских господ.

За трое суток (24, 25 и 26 сентября), беря на борт по четыре орудия с зарядными ящиками, или по два десятка кавалеристов, или сотню пехотинцев, я вполне успел перебросить к месту будущего сражения значительный отряд. Только кавалерию я взял с собой свою – один эскадрон уланш (исключительно для разведки и разных тонких дел), а все остальные участники этой экспедиции были из числа воинов тех полков

нового строя Михаила Скопина-Шуйского, которые в битве при Березне громили войско гетмана Жолкевского. Отборные, надо сказать, подобрались молодцы – с такими орлами и соответствующим вооружением хоть под Москву в сорок первый год – жечь танки Гудериана.

Как и в нашей истории, Ходкевич выступил из табора под Дерптом утром 25 сентября и форсированным маршем пошел на выручку к Риге. Только на этот раз выручать ему было уже нечего, потому что на следующее утро после Риги шведам сдалась и приморская крепость Динамюнде. Информация об этом немедленно была передана Карлу – и тот, как раз закончив отмечать Рижскую викторию, с некоторой даже ленцой выступил навстречу Ходкевичу – и прибыл к нашему лагерю под Кирхгольмом вечером того же дня. Ну что там идти – восемнадцать километров всего-то, и не ночью, как в нашей истории, а днем. У шведов были еще как минимум сутки до прибытия войска Ходкевича, чтобы отдохнуть самим и дать отдых своим лошадям. Кроме того, эти сутки были использованы не только для усиления нашей с Михаилом Скопиным-Шуйским группировки, но и для подготовки поля боя к будущему сражению. Некоторый марафет в этом деле был явно нелишним.

Во-первых – мелкие группы шведских кавалеристов еще с вечера проехали по окрестностям и мобилизовали на окопные работы всех окрестных латышских крестьян мужского пола и в добром здравии, попутно конфисковав у них

же весь запас деревянных борон. Потом, после битвы, разберут свое, а пока нам они нужнее. Этими боронами, а еще железными «ежами» и растянутыми на колышках рыбацкими сетями (аналог малозаметного проволочного заграждения) была густо «заминирована» территория между нашим левым флангом и простирающимся чуть дальше болотом. Уж больно шустро «в прошлый раз» через этот «зазор» прогало-пировали в шведский тыл гусары Сапеги и рейтары Ляцкого, сокрушившие перед этим утомленную ночным маршем шведскую кавалерию. Точно так же, до самого берега Западной Двины, были заблокированы подступы к нашему левому флангу, где в «прошлый раз» в обход шведской пехоты рванула вперед легкая кавалерия Дубровы, которой на самом деле оказались наши очередные запорожские «небратья». Этим – как говорится, особый почет и уважение, и свинцовых картечных пулек побольше и в ассортименте.

Между двумя этими фланговыми заграждениями, на рубеже, где предстояло встать шведским пехотинцам генерала Леннартсона и моим артиллеристам, было выстроено семь деревянных острожков, между которыми размещались исходные позиции шведских рейтар, а за ними – растянутые вдоль земли цепи малозаметных заграждений. Непосредственно перед острожками в несколько рядов располагались узкие и глубокие рвы, прикрытые сверху ивовыми плетенками и замаскированные сверху слоем дерна с травой. Первоклассные капканы для всадника с конем – особенно если по-

следний угодит в такой ров обоими передними копытами. И все эти прелести и хитрости располагались прямо под жерлами наших пушек и мушкетами шведских стрелков. На такой дистанции, как уже говорилось раньше, от тяжелой мушкетной пули не спасает ни одна местная кираса или иной доспех. На тот случай, буде польско-литовская кавалерия прорвется ко второму рубежу, где Карл сосредоточил свои резервы под командованием князя Брауншвейг-Люнебургского, там также были оборудованы малозаметные заграждения и рвы, а также сосредоточены все одиннадцать шведских пушек, готовых вести огонь картечью.

Кстати, наши двадцать пять казнозарядных четырехфунтовых малого наряда, доставленные на штурмоносце из-под Чернигова, привели шведского короля в легкую оторопь и оцепенение. Он-то, бедолага, думал, что мы привезем с собой четыре-пять пушек – и этим вся наша помощь и ограничится. Ан нет! Я действительно вознамерился похоронить тут войско Ходкевича – так же, как уже похоронил войско Жолкевского – и тем самым полностью обескровить войнство Речи Посполитой. Не исключено, что после этих двух поражений в польско-литовском государстве начнутся очередные рокоши (узаконенные мятежи) и королю Сигизмунду III Вазе надолго станет не до агрессии против русского государства.

Итак, в течение двадцать шестого сентября все эти укрепления и ловушки были построены и замаскированы, после

чего вечером, незадолго до подхода польско-литовских отрядов, временные и совсем не добровольные помощники были отведены за вторую линию войск и оставлены там под конвоем. Они нам еще понадобятся, когда придет время хоронить убитых. При этом мертвых коней можно хотя бы сожрать, а их шкуры сгодятся на разные скорняжные изделия, в то время как убитых людей можно только закапывать (ну еще иногда сжигать) и никакого посмертного профита от них не предвидится, одни заботы. А убитых в этом сражении намечается много, по крайней мере, со стороны польско-литовского войска, которое было весьма ошарашено известием, что оно, оказывается, опоздало на назначенное свидание. Было этих козлов великое множество, и большинство из них были конными. Карла одолевал ужасный соблазн напасть на поляков прямо сейчас, пока они устали от марша, но я сказал ему, что солнце клонится к закату и для битвы банально не остается времени, ведь его солдаты не обучены драться ночью.

Утро двадцать седьмого числа выдалось сырым и холодным, как и в нашей истории; ночью прошел проливной дождь, а с Западной Двины клочьями полз холодный осенний туман. Оба войска построились, выжидая, когда туман рассеется и можно будет начать. Шведы выстроились в два эшелона, как и предусматривал первоначальный план – при этом Карл был в глубоком тылу, за второй линией, а мы с Михаилом Скопиным-Шуйским – в центральном острожке

вместе со своими людьми. Поляки выстроились своим излюбленным глубоким строем, построив кавалерийские ко-робки в три эшелона.

Битва началась около десяти утра, когда холодный сырой ветер разогнал остатки тумана. Все было как в битве при Кирхгольме нашей истории, которую я изучал по Большой Советской Энциклопедии. Начали сражение запорожские казаки Дубровы, которые имитировали атаку на наш правый фланг, но после первых же выстрелов шведских мушкетеров повернули коней вспять. Наши пушки при этом молчали – зачем раньше времени смущать людей. Вместо того вслед притворно удирающим запорожским казакам выметнулась в галопе шведская кавалерия на свежих и отдохнувших конях, и даже, кажется, кого-то догнала и порубила. Но тут по ним открыла огонь польская пехота и артиллерия – и вот уже шведские рейтары поворачивают вспять, и, выстроившись в колонну, по узким проходам обтекают правофланговый и левофланговые острожки, уходя под прикрытие укрепившихся в острожках пехотных каре. Завязка боя – один-один. Шведская притворная кавалерийская атака в ответ на такую же притворную атаку запорожцев.

Ходкевич понял, что увертюра сыграна без особого эффекта, и единственное чего он добился – это того, что шведская кавалерия, покинув промежутки между острожками, сосредоточилась на флангах двумя ударными кулаками. Пора было класть на стол козыря – то есть великолепную поль-

ско-литовскую гусарию. Первой в центре польского построения пошла в бой рота Винцента Войны нацеленная на центральный острожек, где находились мы с Михаилом. Тяжелые лошади сначала пошли шагом, потом перешли на рысь, потом на галоп. В первом эшелоне атакующих на нас мчались около трехсот гусар, а за ними вдвое, втрое большее количество их пахоликов-оруженосцев. Сверкали начищенные кирасы, развевались вымпелы и блестели внушающие ужас наконечники на пиках, трепетали за гусарскими спинами широкие крылья, подобные орлиным или лебединым.

Шведские мушкетеры дали залп и принялись перезаряжать свои мушкеты. Казалось, острожки остались полностью беззащитными, но в этот момент гусарский строй на полном скаку влетел в зебру из замаскированных ровиков, и тут же по этому хаосу рывкнул первый орудийный залп из трех ближайших острожков, выкашивая и тех всадников, чьи лошади остались на ногах, и тех, что уже упали. За первым залпом последовал еще один, за ним еще. В плотных белых клубках порохового дыма никто не мог ничего понять, а рота Винцента Войны была истреблена картечными залпами до последнего человека. Видимо, в этот момент Ходкевич решил, что его построенные в несколько эшелонов кавалеристы все же сумеют прорвать наш строй – и одним широким жестом бросил под картечь всю свою армию. Орудийные и мушкетные залпы слились в один протяжный вой, отчаянное ржание раненых коней мешалось с криками умирающих людей,

а ползущий с реки туман сменился клубами порохового дыма.

Мы не успели оглянуться, а польская кавалерия перед нами кончилась (либо разошлась для удара по флангам), и ее сменили отчаянно лезущие на приступ прямо по трупам польские пехотинцы. Артиллерия в этот момент как раз молчала, остывала после слишком активной стрельбы, и шведской пехоте пришлось поучаствовать в отражении атаки, отмахиваясь от озверевших жолнежей пиками и превращенными в дубины мушкетами. В отражении этой атаки пришлось принять участие и нам с Михаилом. Я действовал мечом Ареса, который разрубал любые шлемы, кирасы и кольчуги как масло, а Михаил размахивал кривой татарской саблей.

В самый критический момент натиск ослаб, а потом и вовсе прекратился. Оглядев поле брани, я увидел, что мы победили. Большая часть врагов осталось лежать, попав под картечные залпы, запутавшись в заграждениях или провалившись в ловчие ямы. Остальные, счастливо избежавшие этих разновидностей смерти, на уставших конях удирают обратно – туда, откуда и пришли, а за ними гонится снова вышедшая из-за флангов свежая шведская кавалерия и рубит на всем скаку. Мы победили – и враг бежит, бежит, бежит...

Чуть позже я узнал, что Сапега, Ляцкой, Дуброва погибли на поле боя, Великий гетман Литовский бежал, но очень недалеко, потому что в нескольких километрах от места битвы он вместе со своими телохранителями был настигнут и

уничтожен моим уланским эскадроном. Победа шведов была полной, и нашего участия в Прибалтике больше не требуется – поэтому я немедленно, прямо сейчас, вместе с Елизаветой Дмитриевной займусь обратной переброской войск в лагерь под Черниговом. Михаилу давно пора вместе с войском выступить обратно в Москву, чтобы в ореоле победителя поляков приступить к восприятию в свои руки царского престола.

* * *

**30 сентября 1605 год Р. Х., день сто семнадцатый,
Полдень. Москва, Новодевичий монастырь
Царевна Ксения Борисовна Годунова**

Царевна Ксения сидела у окошка кельи и писала письмо своему жениху Михаилу Скопину-Шуйскому, уже седьмому по счету. Ну, или восьмому, если считать несостоявшуюся идею Бориса Годунова отдать дочь за своего лучшего полководца. Потом папенька внезапно умер, Петр Басманов изменил, перебежав к Самозванцу, после чего ей уже казалось, что жизнь кончилась. Затем на Москву явился Великий князь Артанский, безжалостный к врагам, и, желая вернуть на трон ее брата Федора, снова перевернул все вверх дном. Как говорит его приемная дочь Ася, которую почему то еще зовут Матильдой, он натянул всем нехорошим людям глаз на дупу и заставил моргать. Кое-кто из нехороших людей от

этого даже умер.

Вспомнив озорницу Асю, Ксения тепло улыбнулась. Все то время, которое она провела сначала в вотчине Артанского князя – в жарком Тридевятом Царстве, а потом, после разгрома Крымского ханства, в Бахчисарайском дворце, казалось ей чудесным волшебным сном. Ласковое, и даже жаркое солнце, голубое небо, веселые улыбки окружающих людей – все это составляло такой разительный контраст с тем, что окружало ее сейчас! Серое хмурое небо, низкие тучи, сочащиеся холодным дождем, облетевшие ветви деревьев, оживляемые только красными рябиновыми гроздьями, унылые лица монахинь и самой матушки-игуменьи.

Тогда ей казалось, будто при жизни она попала в райские сады, где все люди чисты и невинны. Сам Великий князь Сергей Сергеевич, его супруга княгиня Елизавета Дмитриевна, боярыня Анна Сергеевна, а также их воспитанники и воспитанницы, изгнанная из своего царства царица Анастасия, священник отец Александр, маленькая лекарка Лилия, и даже краснокожая и рогатая красавица Зул – все они были осенены божьей благодатью. Наверное, это из-за этого они распространяли вокруг себя ощущение верности, надежности, покоя и уверенности в завтрашнем дне. После того клубка скорпионов и ехидн, который представляло собой московское боярство, окружение Артанского Великого Князя действительно казалось собранием настоящих ангелов.

Жаль только, что патриарх Иов и митрополит Гермоген,

которые теперь заправляли всеми делами на Москве, после отречения ее брата от престола свалили эту ношу на нее с Мишенькой, и потребовали, чтобы жила Ксения, дожидаясь своего суженого да ряженого, не в Тридесятom Царстве, и не в крымском Бахчисарайском дворце, а, как положено благочестивой царевне, в келье Новодевичьего монастыря, в посте и молитве, необходимой для умиротворения ее мятущейся души. Как ни жаль было Ксении расставаться с братцем Федором (которому никто таких условий не выдвигал) и со всеми остальными своими новыми друзьями, а пришлось подчиниться, ибо для спокойствия в Русском царстве было крайне важно, какая о ней пойдет слава – хорошая или плохая. Да и папенькины грехи тоже замолить было бы совсем не вредно. И хоть он был полностью непричастен к смерти настоящего царевича Дмитрия, на его совести было множество других невинных душ⁹.

Скучая по Великому князю Артанскому и боярыне Анне Сергеевне со товарищи, в то же время Ксения признавала, что у каждого в Тридевятом царстве были свои особенности, иногда даже леденящие душу. Например, Анна Сергеевна видела людей буквально насквозь, не оставляя в душе ничего тайного, милая Анастасия могла вызывать ужасные стихийные бедствия вроде проливных дождей и урага-

---

⁹ Имеется в виду та резня и разорение, которую царские воеводы устроили зимой 1604-05 годов в Северской Земле при подавлении движения в поддержку Самозванца. Хотели добиться покорности, а вызвали ненависть у врагов и отвращение у своих.

нов, а отец Александр... т-с-с-с, подчинился напрямую самому Всевышнему, минуя всех церковных иерархов. Иногда отец Александр говорил такие вещи, которые просто не укладывались у бедной Ксении в голове, но она все равно старалась запомнить его слова, понимая, что так ей перепадают крупницы высшей мудрости.

Да что там далеко ходить – сам Великий князь Серегин, очень добрый и веселый человек, преображался, когда брался за рукоять своего меча, выходя, как он говорил, на тропу войны. Тогда от него сразу же начинало веять ледяным холодом, как с горных вершин, глаза становились жесткими и безжалостными, вокруг головы проявлялся сияющий ореол, и так продолжалось ровно до тех пор, пока очередной враг не оказывался повергнутым в прах. И как только это случалось, перед ней снова был добрый человек, видевший во вчерашних врагах страдающих и мучающихся людей. Но не всегда. Например, Ксения так и не смогла постичь смысл ссылки бывшего Самозванца голым и босым на необитаемый остров в компании таких же голых и босых баб, среди которых была получившая вторую молодость Марья Нагая, его собственная полюбовница Маринка Мнишек, а также большое количество татарок из другого мира. Это было очень жестоко, потому что все эти многочисленные женщины должны были передрались между собой за единственного мужика. Да еще все голые, как в бане (Ксения покраснела) – стыд и срам один.

Правда, как уже знала Ксения, в отличие от Ивана Грозного или ее отца, Артанский князь никогда не обрушивал свой гнев на ближних к нему людей, а значит, милый ее сердцу Мишенька, с которым они вместе ушли воевать ляхов, находится подле него в полной безопасности. Конечно же, эта война могла кончиться лишь победой, но Ксения все равно от волнения не спала ночей, гадая, что там было да как. Ох уж эта война. Ох уж эти ляхи, волки позорные и ненасытные, только и мечтающие о том, как оторвать один кусок русского царства за другим. Но вот теперь пришло известие об одержанной недалеко от Чернигова победе – а это значит, что ее любезный Мишенька снова явится на Москву. И вот царица сидит и при скудном свете, падающем из окошка, скрипящим гусиным пером пишет письмо другу своего сердца, в тоже время изнывая внутри себя от греховной страсти по женскому и сокровенному. Надо торопиться. Гонец, который привез известие о победе, обещал подождать, но не до бесконечности. Буковка за буковкой на пергаменте появляются слова:

«Любезный мой друг Михаил Васильевич! Поздравляю вас с победою и надеюсь узреть вас вскоре, дабы выразить вам свою преданность и восхищение воочию. Поистине не смыкала я глаз, все молилась за вас, свет очей моих, и за всю вашу рать, чтоб хранил вас Господь в делах ваших праведных – воевать супостатов поганых, что Русь нашу Святую осквернить, поработить собирались. Преклоняюсь я пред от-

вагою вашею, друг мой сердешный, и жду нашей встречи с волнением и трепетом сердца моего горячего, что отныне лишь вам принадлежит. Сердце это бьется, аки горлица в силках, в томительном ожидании свидания нашего долгожданного, и душа моя изнывает от сладостных чувств и дум трепетных о вас, мой друг ненаглядный. Настрадалось сердце это, наплакалось за все годы скорбные, что в девичестве я маялась, но ныне воспрянет оно от радости звонкой, благостной, ибо открыл мне Господь, что найду я счастье свое с вами непременно, и успокоится дух мой мятущийся. Мишенька, сокол мой ясный, хочу я главу свою на твою грудь могучую склонить, в глаза твои карие, ласковые посмотреть, тепло твое воспринять кожей своею, и услышать биение сердца твоего отважного, нежностью исполненного... Отступил мрак от души моей, когда дал Господь мне надежду, что не цветом пустым осыплюсь я в срок, но буду, словно древо великое, плодоносящее, в неге и заботе жить с любимым моим рядом, род свой и его продолжать во славу земли нашей Русской, великой, что никто из супостатов вовек не одолеет...

Благословен будь тот день и час, когда посланец Господень, великий князь Артанский, пришел к нам из сфер божественных, блистающих, и помощь дал нам чудесную, не чаянную, могучую. Но таков, знать, был промысел Божий, что и мне, несчастной царевне, что жила досель средь горечи и мрака, блеснул луч Его благословения, сделав счастливейшею из дев, ибо настигла меня доля радостная – встретила

я счастье свое истинное. Образ ваш всегда пред глазами моими, возлюбленный жених мой – запечатленный накрепко в душе моей, он ведет меня подобно звезде путеводной...

Летите подобно ветру, возвращайтесь, торопите коней – да будут благословенны те дороги, по которым проляжет ваш путь домой! Я жду вас, любезный, ласковый мой друг, сокровище души моей! Не омрачат больше слезы моего взора, и впереди – лишь счастье и блаженство, в союзе с вами, предназначенным мне Господом женихом и возлюбленным... Ваша Ксения.»

Немного подумав, царевна вывела чуть ниже отдельной строчкой: «Писано собственноручно тридцатого сентября семь тысяч сто четырнадцатого года от Сотворения Мира», после чего присыпала письмо сухим песком, чтобы скорее высохли чернила. Выждав некоторое время, Ксения стряхнула песок и, сложив письмо втрое, запечатала его своей личной восковой печатью, после чего отдала ожидающей за дверью юной послушнице Марии, которая, топоча легкими босыми ногами, отнесет царевнино послание гонцу, ожидающему за пределами монастыря в странноприимном доме. Самой царевне увидеться с посторонним мужчиной, а тем более перекинуться парой слов, нельзя ни в коем случае, ибо это будет поруганием ее чести и низвержением основ.

Когда послушница убежала, Ксения вздохнула и снова села у окошка, за которым простирался все тот же серый и промокший московский осенний пейзаж. Теперь, когда вра-

ги побеждены, ей оставалось только ждать и надеяться, что ее возлюбленный жених как можно скорее прибудет для того, чтобы взять ее за себя в жены и вместе с ней повенчаться на Московское царство.

* * *

**04 октября 1605 год Р. Х., день сто двадцать первый,
Утро. Крым, Севастопольская бухта, линкор «Неумо-
лимый»**

**Княжна Елизавета Волконская-Серегина, штурм-
капитан ВКС Российской Империи**

Сегодня Гай Юлий попросил меня прибыть на борт «Неумолимого». Там мне предстояло осмотреть первый полностью восстановленный десантный челнок.

То, что предстало моим глазам, было просто великолепно. Представьте себе предназначенный для гиперзвуковых полетов в атмосфере чуть притупленный стреловидный титановый корпус с ярко выраженным «горбом» десантного отсека, обтянутый термозащитной керамической «кожей» жемчужно-серого цвета. Длина этого аппарата составляла около семидесяти метров, а размах «крыльев» – метров сорок. Даже неподвижно стоя в ангаре, этот корабль выглядел так, будто врывался в атмосферу на первой космической скорости. Немного подумав, я назвала этого громилу с «Неумолимого» – тип «Святогор». Благо в наших ВКС это название по-

ка еще не было зарезервировано ни за одной конструкцией. Сказать честно, мой «Богатырь» с этим красавцем и рядом не стоял. Сейчас объясню почему.

Во-первых, «Богатырь» рассчитан на доставку к месту боя одной тяжелой десантно-штурмовой роты без техники, а «Святогор» предназначен для транспортировки на уже занятый войсками плацдарм трех-четыре тысяч пехотинцев в легкой экипировке, или полной батальонной тактической группы механизированной пехоты со всей положенной техникой и средствами усиления. Поэтому даже на глаз он крупнее в размерах и имеет две палубы. На нижней расположен ангар для техники, а на верхней – кабина экипажа и кубрики, рассчитанные на пятьсот солдат и офицеров десанта. При этом ангар для техники в «Святогоре» имеет размеры футбольного поля¹⁰. Например, всю боевую технику танкового полка, который сейчас подчиняется моему мужу, можно было бы перевезти четырьмя такими «Святогорами», и еще столько же понадобилось бы для переброски приданных транспортных средств (грузовых и легковых автомобилей).

Во-вторых, «Богатырь» предназначен для полетов в атмосфере и суборбитальных прыжков, на большее его антигравитационные импеллеры просто не способны, а «Святогор» способен не только выходить на околопланетную орби-

---

¹⁰ На самом деле по площади ангар ровно в четыре раза меньше футбольного поля, но Елизавета Волконская никогда не играла в футбол, поэтому эта ошибка ей простительна.

ту, но и совершать межпланетные перелеты в ближней планетной зоне. Насколько я поняла объяснения Виктории Клары и Септима Цигнуса относительно нашей Солнечной системы, ближняя планетная зона – это примерно в пределах пояса астероидов. Гай Юлий объяснил, что иногда вражеские планеты обладали полномасштабной системой планетарной обороны, для которой линкоры класса «Неумолимого» – просто большая и очень легкая мишень, и вот тогда приходилось выбрасывать десанты с расстояния в несколько астрономических единиц.

В-третьих – если для «Богатыря» источником энергии является процесс термоядерного синтеза, то «Святогор», как и сам «Неумолимый», использует процесс прямого преобразования вещества в энергию, что гораздо эффективнее и с точки зрения доступности «топлива», и с точки зрения потребности в его количестве. Необходимые «Богатырю» топливные ячейки с дейтридом лития все же на дороге не валяются, а массконвертер «Святогора» в качестве топлива способен использовать любое попавшееся под руку вещество.

Все остальное – типа удобства управления, бытовых условий на борту, размера кают экипажа и всего прочего – у «Богатыря» и «Святогора», несмотря на значительно большие габариты последнего, находилось примерно на сопоставимом уровне армейского минимализма. Жить на «Святогоре» было можно, а вот роскошествовать нет. Точно также как и на «Богатыре», несмотря на разницу в их размерах. Я,

честно сказать, за прошедшие год и два месяца привыкла к лучшим условиям. Апартаменты в Башне Силы Заброшенного Города в мире Содома – это вам не однокомнатная каюта жилой площадью в шесть с половиной квадратных метров. То же можно сказать и о моем последнем жилье в Бахчисарайском дворце в Крыму XVII века. Но как привыкла, так и отвыкну, мне не привыкать. И раньше, отбыв отпуск в папенькином доме и прибыв на службу, я каждый раз бывала неприятно удивлена теснотой и мелкими бытовыми неудобствами, а потом ничего – снова привыкала. Это я не к тому, что муж выгнал меня из дворца и теперь мне снова придется ютиться в каютке моего штурмоносца. Совсем нет. Мой ласковый и очаровательный нахал любит меня, холит и лелеет, а также носит на руках, так что дело не в этом.

Дело в том, что для восстановительных работ на «Неумолимом» нужны чистые материалы, то есть в смысле металлы, причем нужны в объемах в десятки и сотни тысяч тонн. Первоначально планировалось получить их путем утилизации большинства корпусов находящихся на борту «Неумолимого» летательных аппаратов, но потом мой супруг отказался от этого намерения, ссылаясь на то, что при крайне низком уровне магии в верхних мирах желательно иметь в своем распоряжении массовый транспорт, не зависящий от уровня магии. А это поставило перед нами новые задачи. Да, большинство челноков на борту «Неумолимого», как больших так и малых, находятся во вполне ремонтпригодном состо-

нении, но это делает проблему добычи металлов еще острее. Месяц назад мы обсуждали этот вопрос с псевдоличностями «Неумолимого», но не смогли прийти ни к какому решению.

Но теперь, когда Клим Сервий со своими роботами восстановил хотя бы один «Святогор», можно поднять вопрос о добыче необходимых металлов за пределами матушки-Земли. Дело в том, что технологии добычи полезных ископаемых того мира, из которого происходит «Неумолимый», — мощные, производительные и экономически выгодные, но до невозможности грязные. Это никого не беспокоит, потому что на обитаемых планетах металлы там не добывают — запрещено. В каждой планетной системе есть малоценная недвижимость, безатмосферные спутники и близкие к светилу планеты, вроде наших Луны и Меркурия, на которых и размещена вся добыча металлов. Тамошней «экологии» не повредят даже самые грязные методы извлечения металлов из руд, к тому же природный вакуум (или почти вакуум, как в случае с Меркурием) изрядно удешевляет производственный процесс.

Когда я закончила осматривать «Святогор» и была снова готова внимать разумным речам, Клим Сервий показал мне переделанный из большой саперной машины харвестер (робот-рудокop), способный производить прямое разделение химических элементов. Процесс это энергозатратный, но цивилизация, владеющая секретом «эйнштейновского» преобразования вещества в энергию, энергетические затра-

ты привыкла игнорировать. На что этот харвестер запрограммируют, то он из породы и будет извлекать. Требуется железо – будет железо, требуется медь – будет медь, требуется алюминий – будет алюминий, требуется титан – будет титан. Или все это сразу, отделяя от кремния и кислорода, основных неметаллических составляющих горных пород. Нужен кислород – машина будет собирать только его, вместе с плазменным выхлопом беспощадно выбрасывая в окружающую среду все остальное. Именно из-за этих выхлопов, способных отравить атмосферу, такие харвестеры и запрещено использовать на пригодных к обитанию планетах. По размеру эта бандура аккуратно влезает в десантный ангар «Святого-ра» (точнее, туда помещался робот-сапер, предназначенный для строительства подземных укреплений, из которого и переделан данный девайс), а настоящие, то есть заводские харвестеры во много раз больше и производительнее.

– Ваше императорское величество, – сказал мне Клим Сервий, когда я закончила рассматривать это ужасное чудовище, похожее на приплюснутого сверху майского жука-переростка, – у нас есть две проблемы. Первая из них заключается в том, что мы не можем решить, где именно наша машина будет собирать нужный нам металл?

– Насколько я помню, – пожала я плечами, – по законам фантастического жанра, этим делом положено заниматься в поясе астероидов – там самые богатые месторождения, а об экологии и вовсе задумываться не надо.

– Нет, – покачал виртуальной головой главный инженер «Неумолимого», – месторождения там действительно встречаются богатые, да только навигация там слишком сложна, а поэтому туда мало кто суется. Чуть что не так, и душеприказчик вскрывает завещание. Работают там только так называемые «буксировщики», которые ищут скалы с нужными месторождениями и вытягивают их на безопасные орбиты. Мы же пойдем другим путем. В данном случае у нас выбор: Луна, которая близко, но металлов на ней даже меньше, чем на Земле, или же Меркурий, месторождения на котором богаче, но сам он дальше, а природные условия достаточно неблагоприятны. На Меркурии харвестер сможет работать только в окрестностях полюсов¹¹, где солнца либо нет, либо оно стоит низко над горизонтом. Но на Луну челнок сможет летать чуть ли не в автоматическом режиме, а при полетах к Меркурию нужен живой пилот. Жарко там, да и вообще.

Я сразу поняла, к чему клонит мой собеседник. Меркурий, конечно, желательней, потому что месторождения там действительно должны быть богаче¹², но единственный действующий живой пилот тут – это я. Других нет. Есть ученицы из числа молоденьких бойцовых лилиток, но к управлению их допускать еще нельзя. И корабль угробят, и сами

---

¹¹ Ось вращения Меркурия перпендикулярна плоскости его орбиты, поэтому времен года на этой планете не бывает.

¹² Средняя плотность Луны 3,346 тн/м³, а средняя плотность Меркурия почти вдвое выше 5,427 тн/м³.

угробятся.

– Да, моя госпожа, – неожиданно смиренно произнес Клим Сервий, – есть одна мысль. Если бы вы согласились стать пилотом-наставником для наших девочек, тогда все уладилось бы само собой...

– Хорошо, – ответила я, – я подумаю. Но в любом случае, прежде чем браться за полет к Меркурию, надо сперва потренироваться на кошках. То есть для начала выйти на околоземную орбиту, потом слетать вместе со стажерами до Луны и вернуться обратно; и лишь потом можно будет браться за полет к Меркурию – сначала разведывательный, без харвестера, и лишь потом рабочий.

– Как будет угодно Вашему Величеству, – склонился в виртуальном придворном поклоне главный инженер «Неумолимого», – мы согласны на любые ваши условия.

* * *

05 октября 1605 год Р. Х., день сто двадцать второй, Утро. Крым, Севастопольская бухта, линкор «Неумолимый»

Княжна Елизавета Волконская-Серегина, штурм-капитан ВКС Российской Империи

Как всегда при моем появлении на «Неумолимом», виртуальный дежурный офицер рывкнул в шлюзовой камере во всю мощь динамиков: «На борту Ее Императорское Величе-

ство!». Конечно, приятно, но в некотором роде такая слава утомляет. Я ведь и сама по себе умная, сильная и талантливая, а не только потому, что происхожу из древнего рода Волконских или потому, что являюсь супругой Бога Справедливой Оборонительной войны, то есть моего очаровательно нахала. Но как бы то ни было, сегодня я единственный шеф-пилот «Неумолимого» и мне предстоит первый ознакомительный космический полет с кадетками, в основном набранными из числа молоденьких бойцовых лилиток, еще негодных в первую линию с двуручным мечом, но уже вполне способных обучиться на пилота.

В построенной рядом с готовым к полету «Святогором» команде кадеток, кроме трех десятков не полностью зрелых бойцовых, присутствует дюжина бывших мясных, девять молоденьких амазонок и шестеро угрюмых и худых бритоголовых волчиц. Все они были одеты в одинаковые светло-серые утягивающие комбинезончики и такие же форменные кепочки. При этом бойцовые лилитки, стесняясь своего роста (еще незрелые подростки, а уже дылочки за метр восемьдесят), сутулились в строю и опускали глаза долу. Бывшие мясные, напротив, комплексов не имели и гордо выставляли вперед свои довольно впечатляющие вторичные половые достоинства. В отличие от лилиток, отобранные в космонавтки юные амазонки и волчицы выглядели равнодушными к своим внешним данным, типа их крутость заключается в другом. Хотя у большинства амазонок сиськи тоже были

вполне ничего – маленькие и крепенькие, как молоденькие яблочки.

Кстати, от выставленных вперед достоинств бывших мясных у любого нормального мужчины с ходу начинает капать слюна. И все бы ничего, ибо мужчин в обычном понимании здесь нет, но в этот полет со мной напросились Ася-Матильда и Митя-Профессор, у которого за время наших странствий начали пробиваться на верхней губе усики и ломаться голос. Еще не мужчина, но уже и не мальчик, который сам не знает, чего хочет, но чего-то такого, эдакого, до невозможности сладкого и прекрасного. В таком состоянии ему только этих гормональных бомб на близком расстоянии не хватало. Не зря же его подруга Ася с тревогой смотрит то на своего вьюноша, то на выстроившихся напротив кадеток. Бедная девочка, сама она еще не знает, чего хочет, и действует исключительно из подражания взрослым. Одним словом – пора прекращать эти смотрины и приступать к делу.

– Равняйся, смирно, равнение на середину, – сказала я вроде бы негромким голосом, но с такими интонациями, что у девочек между лопатками невольно прошел леденящий озноб и они волей-неволей вытянулись в струнку, даже вечно сутулящиеся бойцовые дылдошки.

Надо сказать, что жизнь у них и после освобождения с племенной фермы тоже была нелегка. Во-первых, сразу после изъятия всех малолетних лилиток, которые не попали под влияние Александра и Глеба Ярославичей, а также на-

шей дикой аварской штучки Алсу, обязательно проверяли на пригодность к обучению различным высокотехнологичным профессиям, после чего у тех, кто прошел тесты, начинались адовы муки учебного процесса. А у тех, кто не прошел, начинались не менее изнурительные тренировки, которые через два-три года должны были сделать их достойным пополнением в ряды нашего войска.

Осложняло положение то, что лилитки всех видов, как и «волчицы», были полностью неграмотны, да и вообще, за исключением амазонок, с культурной точки зрения представляли собой чистый лист, на котором можно писать что захочешь. В рамках обычных образовательных технологий такой провал в знаниях необходимо поэтапно ликвидировать в течение нескольких лет – сначала на уровне ликвидации элементарной безграмотности, то есть начального образования, и лишь потом можно приступать к среднему и высшему уровням, сопряженным с изучением высокотехнологической специализации.

Конечно, имеются магические технологии, вроде как у Димы Колдуна, который из сознания в сознание может передавать знание языка. Но у нас на это способен только сам Дима, обучить он может только тому, что знает сам, и к тому же строго индивидуально, в темпе не больше двух человек в сутки. Ее мелкая божественность (я имею в виду Лилию), конечно, способна проводить массовые сеансы, но она тоже учит только тому, что знает сама, и результат у нее тоже по-

лучается кое-какой. Все наши лилитки, волчицы, амазонки русскому языку обучены именно ею, но только год живого общения девочек со своими юными подпоручиками привел их русский язык к приемлемому уровню. Но у нас нет еще одного года, необходимого хотя бы для первоначальной подготовки новых контингентов.

Выручил нас «Неумолимый», на котором имелись обучающие машины, действующие примерно на основе тех же принципов, что и Дима Колдун. Правда, их еще пришлось восстановить, потратив на это материальные ресурсы и время работы ремонтных роботов, но зато такая машина не устает, работает сразу с множеством реципиентов и, кроме того, способна многократно воспроизводить готовые ментограммы, записанные на материальных носителях. Единственный минус – знания, получаемые таким образом, плохо держатся в памяти, и для их закрепления необходимо несколько часов соответствующих практических занятий.

Вот поэтому процесс обучения так утомителен; за ментальными лекциями следуют практические занятия в классах, если это теоретическая дисциплина (вроде алгебры или тригонометрии), или на тренажерах, если практическая и так по многу раз, пока данный раздел знаний не будет окончательно закреплен. Наш главный эксперт по магии Дима-Колдун понаблюдал за такой машиной в действии и сказал, что механизм ее работы такой же, как и у него, только информационные магические потоки формируются механически, без

учета индивидуальных особенностей мозга и сознания реципиента – отсюда и многочисленные издержки работы этой аппаратуры.

Единственный, но очень важный, минус такой мозговывжималки заключается в том, что она нацелена исключительно на профессиональное совершенствование обучающихся, не затрагивая их культурное и социальное развитие. Чувства обучающихся притупляются, они становятся сухими и черствыми по отношению к окружающим, и не всегда этот процесс можно повернуть вспять. Одной из задач этого полета как раз и является восстановление социальной коммуникации в группе и катализатором такого восстановления должен стать присутствующий здесь Митя-Профессор. Не зря же девчонки смотрят на него во все глаза. Он их бог, герой, гуру и так далее, и даже наличие рядом Аси-Матильды не мешает полету их мечты.

Нет, ничего непотребного мною не планируется. Просто присутствие в группе лица противоположного пола мобилизует девчонок, пробуждая в них ранее неведомые женские чувства. Главное, чтобы эти чувства не понесли их в разнос, и именно с этой целью здесь находится Ася. Смотреть на мальчика смотрите, но руками не трогайте, у него уже есть своя пара. А вот если вы будете профессиональными и успешными, то у каждой из вас заведется такой Митя, хотя с подростковым мужским контингентом у нас как раз напряг. Впрочем, если девочки немного потерпят (а два-три года в

их возрасте пролетят как один миг), то они смогут класть глаз и на вполне взрослых парней. А вот этого добра у нас навалом, и, видимо, в будущем будет еще больше.

И вот когда эти гляделки между кадетками и Асей с Митей достигли своей цели, я и скомандовала: «Вольно!». Пора было переходить к постановке практической задачи.

– Значит так, господа кадеты, – сказала я, обращаясь к девочкам в мужском роде, ибо так же обращались к нам де-вушкам-кадеткам в том летном училище Империи, в котором я сама постигала высокое искусство полетов, – вы долго учились на ментограммах и тренажерах, но теперь это позади. С этого дня мы займемся практическим освоением пилотажного мастерства и будет заниматься этим до тех пор, пока я не сочту вас годными к тому, чтобы самостоятельно поднять этот тяжелый челнок в небо и отправиться на нем хоть в соседний город, хоть на соседнюю планету. А теперь направо, на борт – шагом марш, раз, два!

* * *

05 октября 1605 год Р. Х., день сто двадцать второй, космический корабль «Святогор»

Ася, она же Асель Субботина, она же «Матильда»

Ух ты! Наша с Митькой мечта сбылась, и Елизавета Дмитриевна все-таки взяла нас с ним в учебный космический полет, как своих адъютантов. Она хоть и настоящая княжна,

строгая как две математички сразу, но при этом справедливая и если не допускать совсем уже страшных нарушений, то жить с ней можно, и при этом жить довольно неплохо. Митя говорит, что она такой же боевой офицер, как и капитан Серегин, а потому прошла специальную муштру в военном училище империи. Не знаю как насчет муштры, но диким амазонкам мадмуазель Волконская в самом начале попалась совершенно идиотским образом. Ни одна из выпускниц нашего детдурдома на ее месте не лопухнулась бы с таким дурацким выражением лица.

Но это дело прошлое, сейчас, я думаю, она уже поумнела и заматерела и не попадется так глупо на дешевые приколы. Мне хочется так думать, потому что я все равно ее уважаю, ведь она красавица и умница, сумела так опутать своим обаянием капитана Серегина, что тот даже не гуляет от нее налево. И это при том, что девок, желающих попасть в его постель хоть оптом, хоть поодиночке у нас тут тьма тьмущая, и все они в него тайно влюблены. И хитроумные и дерзкие амазонки, и могучие лилитки, и хрупкие nereиды, и обычные девушки и женщины, короче все-все-все только и мечтают том, чтобы Серегин обратил на них свое благосклонное внимание. А он не обращает, в смысле на них, а обращает свое внимание и желание только на свою жену.

Ну так вот, к чему это я. Нас с Митей Елизавета Дмитриевна взяла с собой в космос не только для того, чтобы сделать нам приятное, но и для того, чтобы встряхнуть своих заakis-

ших в сугубо женском обществе кадеток. Мол, из-за отсутствия личных перспектив девочки утратили интерес к жизни и к учебному процессу и, мол, теперь требуется взбодрить их, показав перспективы перспектив, в смысле Митю, но не дать им потрогать его своими руками. Мол, в его присутствии девочек охватит дух состязательности и здорового азарта, и они начнут проявлять чудеса усердия в учебе и изобретательности. А я там нужна не только для того чтобы получить личный опыт полетов, но и для того, чтобы «пасти» Митю и не дать оторвочкам-курсанткам возможности его угнать.

Кстати, Септим Цигнус проверял меня на способность стать пилотом, но не нашел ровным счетом ничего, о чем можно было бы говорить. Ничего страшного, зато у меня нашлись задатки администратора, то есть способности по управлению людьми, а базовая летная подготовка, во-первых – позволит мне в будущем понимать, что творят мои подчиненные, а во-вторых – в случае острой необходимости я смогу быть запасным пилотом, способным управлять кораблем на уровне середнячка. Елизавета Дмитриевна говорит, что иногда даже посредственный пилот, это лучше чем отсутствие любого пилота. Но сейчас об этом говорить пока рано, ибо под моим управлением даже виртуальный корабль на тренажере ведет себя будто корова на льду.

Кстати о кораблях. «Святогор» только называется челноком и то только потому, что неумолимый это межзвездный

линкор, в «Святогор» предназначен летать между планетами. Но и на него тоже можно ставить гипердвигатель, Миша узнавал, а посему после совсем небольшой переделки на этом достаточно крупном корабле можно отправляться в настоящее межзвездное путешествие. Но Елизавета Дмитриевна запретила нам об этом и думать. Мол, сперва надо научиться плавать в маленьком детском бассейне и лишь потом выплывать в большой океан. Но мы с Митей и не торопимся, но при этом имеем в виду, что гипердвигатели на «Святогоры» еще пока не ставил из-за того, что не было такого приказа. Единственный человек, который мог бы приказать Климу Сервию, это сама Елизавета Дмитриевна, но она такой приказ категорически отказывается отдавать. Причина? Смотри выше. Рано еще.

Кстати, в космическом полете на «Святогоре» совсем не было той романтики, какую мы привыкли видеть у себя дома по телевизору. Ни тебе грохота мощнейших двигателей, от которого сотрясается земля. Ни тебе сокрушительной перегрузки, которая наваливается на грудь подобно мешку с песком. Ни тебе тесноты кабины, в которой космонавты сидят в своих скафандрах плотно, подобно горошинам в стручке. Ни тебе невесомости во время самого космического полета, но как говорит Елизавета Дмитриевна, секретом искусственной гравитации владели и в ее империи, но только, как правило, эта функция была постоянно отключена, ради экономии энергии. А вот на «Святогоре», с его конвертером ве-

щества в энергию, эту самую энергию экономить не требуется, и программа выравнивания гравитационных градиентов работает под управлением автоматики.

Так что вместо всех описанных выше спецэффектов и неудобств полета имела место только тихое попискивание каких-то приборов в консоли управления, жужжание вентиляторов, и негромкие голоса переговаривающихся между собой кадеток, впервые в жизни управлявших космическим кораблем не на тренажере, а на самом деле. А вот космос на экранах кольцевого обзора действительно был непроглядно черным, Земля под нами бело-голубой и прекрасной, а Солнце, чьи лучи больше не сдерживались атмосферой, яростным и ослепительным. Правда, дав нам полюбоваться на то, как это бывает на самом деле, Елизавета Дмитриевна приказала бортовому компьютеру использовать для уменьшения яркости специальные программные фильтры, встроенные в систему кругового видеообзора и солнышко на экране сразу подернулось дымкой, умерив свою ярость.¹³

Но в любом случае, раскинувшаяся перед нами картина околоземного пространства была такой завораживающей,

---

¹³ Вообще-то, с чисто технической точки зрения без этой системы видеонаблюдения можно было бы прекрасно обойтись и летать исключительно по приборам, все равно космические расстояния и космические скорости это не для человеческого глазомера и реакции. Когда в каком-нибудь космическом боевике показывают, как герой ловко уворачивается от летящих астероидов или метеоров, все это кудрявая и развесистая клюква. На скоростях измеряемых десятками километров в секунду вручную, наблюдая космос через экраны или иллюминатор, можно увернуться только от объектов размером с небольшую планету.

что мы с Митькой, не имея на борту каких-то внятных постоянных обязанностей, большую часть своего времени смогли отдать созерцанию прекрасного. А чего бы не посозерцать, ведь искусственная гравитация и кондиционирование воздуха работали прекрасно, и мы чувствовали себя как в каком-нибудь планетарии. А вот о девках-кадетках такого было сказать нельзя. Елизавета Дмитриевна и мини-клон Септима Цигнуса, гоняли их и в хвост и в гриву, не давая ни минуты отдыха, так что им было совсем не до того, чтобы строить Мите глазки и продумывать планы как бы увести себе мое сокровище. А я боялась, хоть и была уверена в верности моего любимого. Ведь должен же он понимать, что наша с ним любовь – это величина постоянная, а эти финтифлюшки сегодня здесь, а завтра они уже Бог его знает где.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.